

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

МИФЫ КТУЛХУ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Мифы Ктулху

Говард Лавкрафт

Мифы Ктулху (сборник)

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Мифы Ктулху (сборник) / Г. Ф. Лавкрафт — «Издательство АСТ», — (Мифы Ктулху)

ISBN 978-5-17-101717-0

Мифология Ктулху и других темных божеств, рассредоточенная по американским землям. Селефаис, Ультар, Сарнат, Кадат, Аркхем... Покинутые города и те, что существуют на границе сна и воображения. Чистые, с высокими белыми башнями и умопомрачительными арками. Заросшие плесенью и терном, пропитанные затхлым запахом гниющей рыбы. Однако чудовища могут таиться как в развалинах и закоулках, так и в сверкающих палатах. А самые кровожадные и ужасные монстры рождаются в человеческой душе... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-101717-0

© Лавкрафт Г. Ф.
© Издательство АСТ

Содержание

Собака	6
Шепчущий во тьме	11
I	11
II	15
III	22
IV	26
V	31
VI	36
VII	41
VIII	48
Сны в Ведьмином доме	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Говард Филлипс Лавкрафт

Мифы Ктулху

Сборник

Howard Phillips Lovecraft

Cthulhu mythos

© Перевод. К. Королев, 2016

© Перевод. В. Бернацкая, 2016

© Перевод. С. Лихачева, 2016

© Перевод. Ю. Соколов, 2016

© Перевод. О. Колесников, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Собака

В моем измученном мозгу непрерывно звучит шум рассекаемого со свистом воздуха, хлопанье крыльев и отдаленный, глухой лай гигантской собаки. Это не сон и, боюсь, даже не безумие. Слишком много случилось за последнее время, чтобы можно было предаваться утешительным иллюзиям.

Сент-Джон теперь – изуродованный труп, и только я знаю, как все произошло. Это чудовищно, и я схожу с ума от страха, что и со мной случится такое же. Из таинственных и бесконечных коридоров непознаваемого медленно надвигается темная и бесформенная фигура Немезиды, которая неотвратно толкает меня к самоубийству.

Боже, прости нашу глупость и нездоровое любопытство, приведшие нас к столь плачевной судьбе! Уставшие от скуки прозаического мира, где быстро приедаются даже любовные утехы и приключения, мы с Сент-Джоном с азартом включились в интеллектуалистскую жизнь, примыкая то к одному, то к другому эстетическому направлению в надежде одолеть завладевшую нами скуку. На некоторое время нас увлекли загадки символистов и экстазы прерафаэлитов, но со временем мы пресытились ими – они, как и многое другое, потеряли для нас интерес и новизну.

Оставалась надежда на мрачную философию декаданса, но и тут потребовалось все глубже погружаться в ее демонические тайны. Вскоре и Бодлер, и Гюисманс утратили для нас свою остроту, и тогда стало ясно, что удовлетворить нашу ненасытность может только собственный опыт в потусторонних сферах бытия. Эта склонность и привела нас к гнусному занятию, о котором я и сейчас, пребывая в состоянии непрерывного кошмара, вспоминаю со страхом и замиранием сердца. Мы дошли до предела человеческого падения, предавшись отвратительному пороку – грабежу и осквернению могил.

Я не могу поведать все подробности наших чудовищных экспедиций, так же как и перечислить, хотя бы частично, зловещие трофеи, разместившиеся в безымянном музее большого каменного дома, где мы жили вдвоем, обходясь без помощи слуг. Наш музей был богохульственным, не поддающимся описанию местом, где мы с сатанинским, невротическим искусством воссоздавали мир тления и ужаса, призванный будоражить наши угасающие чувства. Музей содержался в глубочайшей тайне и размещен был под землей. Там огромные крылатые демоны, выточенные из базальта и оникса, извергали из оскаленных пастей причудливый зеленовато-оранжевый свет, а скрытые пневматические трубы, обтянутые красным материалом и сплетенные в причудливые траурные узоры, прятались в тяжелых портьерах. По этим трубам к нам подавались соответствующие нашему настроению запахи. Иногда это был аромат увядших погребальных лилий, иногда – дурманящий запах восточных благовоний, воскуряемых в царственных усыпальницах, иногда – как тяжело вспоминать! – зловонный запах свежеразрытой могилы, от которого захватывало дух.

Вдоль стен зловещего зала стояли застекленные стенды с античными мумиями, чередовавшимися с благопристойными и жизнеподобными творениями современного таксидермиста, а также могильные камни со старейших кладбищ Земли. Ниши заполняли черепа и заспиртованные головы в разной стадии разложения. Здесь можно было увидеть и сгнившую лысую главу какой-нибудь знаменитости, и нежные, чистенькие головки младенцев.

Статуи и картины обязательно должны были нести в себе демоническое начало, некоторые из них являлись нашими собственными творениями. В папке из человеческой кожи хранились неизвестные широкой публике диковинные рисунки, которые, как гласила молва, нарисовал сам Гойя, не осмелившийся, однако, признаться в авторстве. Здесь же хранились и отталкивающего вида музыкальные инструменты – струнные, медные и деревянные духовые, – из которых мы с Сент-Джоном извлекали чудовищные, поразительной гнусности диссонансы.

В многочисленных горках из черного дерева размещались наши трофеи, добыча из ограбленных могил – немыслимое собрание, следствие нашего безумия и извращенности. Впрочем, не стоит говорить об этой коллекции, слава Богу, у меня хватило мужества уничтожить ее задолго до того, как я решил покончить с собой.

Хищные набеги, принесшие эти сокровища, всегда обставлялись нами как незабываемое эстетическое действо. В отличие от заурядных кладбищенских воров, мы шли на дело при соответствующем настроении, когда нас удовлетворяли пейзаж, обстановка, погода, время года, насыщенность лунного света. Эти вечера являлись для нас изощреннейшей формой эстетического переживания, и мы тщательно продумывали мельчайшие детали предстоящей операции. Неурочное время, резкая вспышка света или липнущая к лопате сырая земля могли охладить экзотическое возбуждение, неизменно охватывавшее нас, когда земля отдавала нам свои зловещие тайны. Наша тяга к новым местам, к острым ощущениям становилась все более страстной и ненасытной. Сент-Джон был всегда заводилой, он-то впервые и упомянул об этом зловещем, проклятом месте, навлекшем на нас ужасную и неотвратимую кару.

Какой злой рок заманил нас на мрачное голландское кладбище? Начало, я думаю, положили темные легенды, в которых говорилось о похороненном там пятьсот лет назад человеке, тоже промышлявшем на кладбищах и укравшем из богатой гробницы могущественный талисман. Я хорошо помню последние мгновения перед тем, как мы вонзили лопаты в могильную землю. Стояла осень. Бледный свет луны освещал могилы, отбрасывая длинные жуткие тени. Призрачные деревья угрюмо клонились долу, почти касаясь нескошенной травы и вязкой грязи. Сонмища на редкость крупных летучих мышей носились в лунном свете. Старинная, заросшая плющом церковь устремляла свой шпиль ввысь, как указующий перст. А в отдалении, под тисом, светлячки плясали в воздухе, похожие на догорающие угольки. Ночной ветер доносил до нас вместе с запахом трав и могильной плесени дыхание дальних болот и моря. Но более всего тревожил отдаленный, глухой лай огромной собаки; мы ее не видели и не понимали, где она может находиться. Услышав леденящие душу звуки, мы вздрогнули, вспомнив рассказы крестьян: тот, кого мы разыскивали, погиб на этом самом месте, разорванный в клочья страшным зверем.

Помню, как мы разрывали могилу грабителя, взволнованные неповторимостью мгновения. Еще бы! Призрачный лунный свет, тревожные тени, пугающие контуры деревьев, огромные летучие мыши, танцующие во тьме угольки, тлетворные запахи, жалобный стон ветра и странный приглушенный лай, о котором мы с сомнением думали: не чудится ли он нам?

Наконец наши лопаты стукнулись о что-то твердое. Перед нами был сгнивший продолговатый ящик, покрытый твердой коркой из минеральных солей, отложившихся на нем за долгие годы пребывания в никем еще не потревоженной земле. Налет придавал ему массивность и прочность. Мы с неимоверным трудом открыли его и с любопытством впились взглядом в его содержимое.

Просто невероятно, до чего хорошо сохранился скелет мертвеца, несмотря на прошедшие пять веков: повреждения виднелись лишь в тех местах, где его коснулись мощные челюсти убийцы. Мы с восхищением разглядывали чистый череп со странно удлиненными белыми зубами, пустые глазницы – бывшее вместилище глаз, горевших тем же ненасытным огнем, что и наши. В гробу лежал также странный, экзотического вида амулет, который покойник, видимо, носил на шее. Это было гротескное изображение припавшей к земле крылатой собаки, или же сфинкса с полусобачьей мордой, выточенное в старинной восточной манере из небольшого кусочка зеленого нефрита. Отвратительные черты этого гнусного существа говорили о жестокости и злобе, в них таилась сама смерть. Понизу была выгравирована надпись на неизвестном ни Сент-Джону, ни мне языке, а на тыльной стороне вместо клейма мастера – зловещий череп с фантастическим орнаментом.

Лишь взглянув на амулет, мы уже знали, что он должен принадлежать нам. Не зря мы разрыли древнюю могилу, это сокровище стоило того. И хотя его символика была нам непонятна, мы все же решили оставить амулет себе. Впрочем, после тщательного осмотра кое-какие догадки у нас на сей счет появились. Об этой вещи, конечно, не найти ничего в том искусстве и той литературе, которыми интересуются добропорядочные и психически уравновешенные люди. Мы же признали в нем таинственный знак, о коем туманно говорит в своем «Некрономиконе» безумный араб Абдула Альхазред. Амулет указывал на принадлежность к культу пожирателей трупов в недоступном Ленге, расположенном в Центральной Азии. Зловещие контуры самого чудовища также соответствовали описанию старого арабского демонолога. По его словам, они соответствуют метафизической сущности душ тех людей, которые, презрев таинство смерти, пожирают мертвую плоть. Сняв с мертвеца амулет, мы бросили последний взгляд на его выбеленные временем кости и зияющие глазницы, а затем закидали могилу землей, поставившись придать ей прежний вид. Сент-Джон положил украденный амулет в карман, и мы заторопились прочь от зловещего места. Но не успели мы удалиться, как летучие мыши стали усаживаться на оскверненную и ограбленную могилу, словно бы в поисках нечистой, проклятой пищи. Осенний свет луны был, впрочем, настолько тусклым, что нам могло померещиться.

Когда на следующий день мы отплывали из Голландии домой, до нашего слуха вновь донесся глухой далекий лай гигантской собаки. Но и в этом мы не были уверены, ведь осенний ветер завывал так заунывно, что смахивал на протяжный вой.

Меньше чем через неделю после возвращения в Англию в нашем доме стало происходить что-то странное. Надо сказать, жили мы как отшельники в старинном замке, расположенном в болотистом уединенном месте, без друзей и слуг, и посетители редко стучали в наши двери.

Теперь же по ночам нас часто беспокоили какие-то шорохи у дверей и за окнами, причем не только первого, но и второго этажа. Однажды при свете луны нам показалось, что огромное темное тело заслонило окно библиотеки, а в другой раз мы готовы были поклясться, что слышали неподалеку шум и хлопанье больших крыльев. Поиски каких-либо следов ни к чему не привели, и мы были склонны все приписать нашему расстроенному воображению, вспомнив, как на голландском кладбище нам послышался далекий глухой лай. Нефритовый амулет нашел себе пристанище в одной из ниш музея, иногда мы воскуряли там экзотические благовония. Из «Некрономикона» Альхазреда мы многое узнали о его свойствах, а также об отношении к нему духов, чью сущность он символизировал, и то, что мы узнали, наполнило наши души страхом. А затем наступил кошмар.

В ночь на двадцать четвертое сентября 19... года я услышал стук в свою дверь. Полагая, что это Сент-Джон, я пригласил его войти, но в ответ услышал резкий смех. В коридоре было пусто. Я разбудил Сент-Джона, который, конечно же, ничего не слышал, но встревожился так же, как и я. В эту ночь мы опять услышали глухой далекий лай, доносящийся с болот, и на этот раз никаких сомнений в его реальности у нас не возникло.

Спустя четыре дня, когда мы находились в музее, у единственной ведущей из библиотеки двери послышалось осторожное царапанье. А надо сказать, теперь у нас появился, помимо страха перед неведомым, еще один повод для беспокойства: наша чудовищная коллекция получила нежелательную огласку. Что-то метнулось от нас, и мы слышали удаляющийся скрип, хихиканье и довольно внятное бормотание. Что это: безумие, бред, явь? Случившееся повергло нас в полную растерянность, в одном лишь не приходилось сомневаться: в бормотании – о ужас! – ясно различались отдельные слова на голландском языке.

Все последующие дни мы жили в атмосфере постоянно нагнетаемого необъяснимыми явлениями страха. Оставалось гадать, не помутился ли у нас обоих рассудок из-за наших противоестественных утех. А может, нами все это время играл неумолимый и неотвратимый рок? Меж тем зловещие предзнаменования случались все чаще: в нашем уединенном замке несомненно поселилось некое злобное создание, чью природу мы никак не могли уяснить, а каждую

ночь ветер доносил с болот все более отчетливый дьявольский лай. Двадцать девятого октября мы обнаружили под окном библиотеки следы неизвестного существа, хорошо отпечатавшиеся на сырой земле. Они чрезвычайно озадачили нас, так же как и неизвестно откуда взявшиеся стаи крупных летучих мышей, заполонивших в последнее время замок.

Этот кошмар достиг своего апогея восемнадцатого ноября, когда некий дикий кровожадный зверь напал на возвращавшегося поздно вечером с железнодорожной станции Сент-Джона и растерзал его. Услышав предсмертные вопли своего друга, я бросился на помощь, но успел увидеть лишь взметнувшийся в лунном свете темный, неясный силуэт и шум крыльев.

Мой друг умирал и не мог связно отвечать на мои вопросы. Только и прошептал: «Амулет... проклятый амулет».

Затем испустил дух – безжизненная груда истерзанной плоти.

В следующую полночь я похоронил Сент-Джона в нашем запущенном саду, пробормотав над телом его одно из тех дьявольских заклинаний, которыми он так увлекался при жизни. При последних словах с болота донесся глухой лай огромной собаки. Луна уже взошла, но я долго не осмеливался оглянуться в ту сторону, откуда слышался лай. Когда ж увидел, как в тусклом свете огромная неясная тень прыгает по болоту с кочки на кочку, зажмурился и упал лицом в траву. Не знаю, сколько я так пролежал, но когда, шатаясь и все еще дрожа от страха, вернулся в дом, то немедленно дал себе перед амулетом из зеленого нефрита страшную клятву.

Жить одному в старинном замке на болотах мне было нелегко, и на следующий же день я сжег большую часть наших чудовищных экспонатов, закопал остальные и тут же переехал в Лондон, захватив с собой амулет. Однако на третью ночь я вновь услышал лай, а с конца недели мне повсюду мерещились устремленные на меня чьи-то глаза. Однажды, совершая вечернюю прогулку по набережной Виктории, я увидел на воде большую темную тень. В тот же миг сильный вихрь пронесся рядом со мной, и я понял, что не миновать мне судьбы Сент-Джона.

На следующий день я тщательно упаковал нефритовый амулет и отплыл в Голландию. Кто знает, смогу ли я рассчитывать на прощение, но сердце подсказывало: испробуй и это. Неизвестно, что за собака преследует меня и почему, но ведь не случайно мы впервые услышали ее лай на старом кладбище, да и все последующие события, в том числе и предсмертные слова Сент-Джона, говорили о том, что павшее на нас проклятие связано с кражей. Можете представить себе мое отчаяние, когда, прибыв в Роттердам, я обнаружил, что воры похитили у меня амулет – единственное средство к спасению.

Ночью собака лаяла особенно грозно, а утром я прочитал в газетах о таинственном происшествии в городских трущобах. Воровская чернь была в смятении, эти служители зла никогда еще не оказывались свидетелями столь жестокого и кровавого преступления. В одном из воровских притонов неизвестный ночной гость разорвал на куски всю семью и скрылся, не оставив никаких следов. Соседи вспоминали, правда, что всю ночь им слышался глухой, отдаленный лай, принадлежащий, по-видимому, гигантской собаке.

И вот я наконец снова стою на этом жутком погосте. Бледная луна так же мертвенно освещает все вокруг, а голые деревья мрачно склоняются к покрытой инеем траве и застывшим комьям грязи. Увитая плющом церковь высокомерно устремляет свой шпиль в недружелюбное небо, а ветер дует с замерзших болот и холодного моря, завывая, как маньяк. Лай еле слышался, а когда я приблизился к старой могиле, и совсем умолк. Именно эту могилу мы недавно осквернили и, объятые страхом, бежали отсюда прочь, оставив за собой огромную стаю летучих мышей, с любопытством круживших над могильным холмом. Не знаю, почему я прибыл сюда, а не стал молиться у себя дома, каюсь и испрашивая прощенья у покоящихся здесь безмолвных белых костей. Я бездумно вонзил лопату в полузамерзшую землю, во всех моих действиях почти отсутствовала воля – я как бы исполнял решение, принятое кем-то другим. Копалось легче, чем можно было предположить, и я отвлекся лишь однажды, когда из неприветливой небесной мглы стрелой спланировал худой как щепка ястреб и, смело усевшись

на грудь земли, начал что-то клевать. Я убил его ударом лопаты. Добравшись наконец до полусгнившего продолговатого ящика, отодвинул сырую, покрытую плесенью крышку. Это было мое последнее разумное действие.

Ограбленный нами скелет лежал в старом гробу, плотно окруженный чудовищной свитой из огромных, ширококрылых, крепко спящих летучих мышей. Теперь он не выглядел уже столь мирно, а был весь покрыт спекшейся кровью, кусочками мяса, вырванными клочьями волос. Скелет злобно глядел на меня светящимися во мгле пустыми глазницами, а потом ухмыльнулся, как бы предвидя мой неизбежный конец и обнажив при этом острые, выпачканные кровью клыки.

А когда из оскаленной пасти вырвался низкий злобный лай, который мог бы принадлежать крупной собаке, я увидел в мерзких зубах чудовища украденный и вновь обретенный амулет из зеленого нефрита. Я громко закричал и бросился как безумный прочь, и крики мои скоро перешли в истерический хохот.

Безумие разносится, как ветер... в течение веков клыки и зубы оттачиваются на трупах... кровью истекают жертвы среди вакханалии летучих мышей, живущих в руинах заброшенных храмов Велиара... Лай костлявого чудовищного мертвеца слышится все громче, все ближе шум и хлопанье проклятых крыльев, они как бы плетут паутину вокруг меня. Мне остается лишь поднести к виску пистолет – только он один может даровать забвение от того неведомого, чего никогда не познать человеку.

Шепчущий во тьме

I

Я не заметил в том, что произошло, ничего ужасного и прошу это запомнить. Утверждать, будто я не владел собой, ввязавшись в эту историю, – значит игнорировать факты. Отнюдь не душевная травма заставила меня выехать ночью с уединенной фермы, принадлежащей Экли, и на полной скорости промчаться в старом автомобиле по пустынным, угрюмым горам Вермонта. Да, я видел и слышал немало необычного, и события произвели на меня неизгладимое впечатление, но никакими реальными доказательствами я не располагаю и даже теперь не могу сказать, был я прав или заблуждался, согласившись участвовать в страшном эксперименте. Ведь исчезновение Экли еще ничего не подтверждает. В его доме не обнаружили ничего особенного, кроме дырок от пуль. Со стороны могло даже показаться, что он отправился на прогулку в горы и не вернулся. Незванный гость бесследно исчез, а ужасных цилиндров и других приборов словно никогда и не было. То, что Экли смертельно боялся лесистых холмов и бесчисленных горных ручейков, хотя родился в здешних краях и провел в них всю жизнь, ровным счетом ничего не значит. Подобные страхи присущи тысячам людей, а странные поступки и предчувствия Экли можно смело приписать его эксцентричности.

Насколько я понимаю, все началось со знаменитого и небывалого по масштабам наводнения в Вермонте 3 ноября 1927 года. В то время я был и сейчас остаюсь преподавателем литературы Мискатоникского университета в Аркхеме, что в штате Массачусетс, и страстным любителем фольклора Новой Англии. Вскоре после наводнения, наряду со множеством статей о пережитых лишениях и помощи пострадавшим, в прессе появились нелепые сообщения о каких-то не то предметах, не то живых существах, найденных в разлившихся реках. Многие мои знакомые увлеченно обсуждали эти новости и обратились ко мне, надеясь, что я сумею их просветить. Я был польщен, что они так серьезно отнеслись к моим фольклорным исследованиям, и постарался разоблачить вздорные небылицы, основой для которых, несомненно, послужили старые крестьянские предрассудки. Однако вполне образованные люди настаивали на том, что дыма без огня не бывает и в слухах отразились некие таинственные или превратно понятые факты. Не скрою, меня изумляла их доверчивость.

Эти рассказы пришли ко мне в основном в газетных заметках, хотя они часто передавались из уст в уста, а один мой приятель сослался на письмо, полученное от матери, которая жила в Хардвике. Описания почти дословно повторялись, однако свидетельства исходили из трех разных мест. В первом случае речь шла о реке Уинуски близ Монпелье, во втором – о реке Уэст в графстве Уиндем, а в третьем – о Пассумисик в графстве Каледония неподалеку от Лондонвилля. В газетах приводились и другие названия, но большей частью говорилось об этих реках. В каждом случае кто-то из местных жителей видел, как в бурлящем горном потоке проплывали причудливые и ни на что не похожие фигуры. Их стали связывать с древними полузабытыми преданиями, о которых когда-то слышали старики. Я с удивлением отметил, что суеверия не только не канули в Лету, но и начали широко распространяться.

Очевидцы полагали, что видели какие-то органические формы, не похожие ни на одно из встречавшихся им прежде тел. Естественно, что в ту трагическую пору в разлившихся водах находили немало утопленников, однако все, описывавшие эти странные формы, были совершенно уверены – это не люди, хотя отдаленное сходство с человеческими фигурами у них имелось. Свидетели также утверждали, что они ничуть не напоминали каких-либо водившихся и Вермонте животных. Они были ярко-розовые, примерно пяти футов в длину, с твердой чешуей, парой небольших крыльев-мембран и множеством конечностей, а грудь, шею и голову

им заменяли плотные овальные кольца, унизанные крошечными щупальцами. Любопытно и весьма характерно, что свидетельства из разных источников полностью совпадали, впрочем, удивляться этому особенно не приходилось, поскольку в старых легендах, популярных некогда в глухом горном краю, эти неведомые твари были описаны очень живо и убедительно, и предания не могли не всколыхнуть воображение очевидцев. Я пришел к выводу, что все эти свидетели – наивные и простодушные крестьяне из дальних уголков штата – заметили промелькнувшие в бурном потоке раздувшиеся тела утопленников или животных и невольно припомнили старинные небылицы, украсив несчастных жертв фантастическими признаками.

Замечу, что в древних преданиях было немало таинственного, смутного, не до конца договоренного, и в настоящее время они почти полностью забыты. Они и правда были выдержаны в одном духе и, по-видимому, сложились под влиянием еще более ранних индейских легенд. Мне не доводилось бывать в Вермонте, но я хорошо знал их по книге Эли Давенпорта, в которой записаны предания, сохранившиеся к 1839 году в памяти старейших жителей штата. Я обнаружил в них немало перекличек со сказаниями, лично слышанными мной от стариков в горах Нью-Хэмпшира. Во всех них как-то глухо и намеками говорилось о племени чудовищ. Можно было понять, что оно скрылось от мира в дальних высоких горах, поросших лесами, и в темных долинах, где ручьи бежали из неведомых источников. Эти чудовища затаились, и до них было нелегко добраться. На склоны крутых гор и в глубокие ущелья не забегали даже стаи волков, но нашлись смельчаки, которые проникли туда, увидели их и рассказали людям.

Они оставляли следы или отпечатки когтей на берегах горных рек и клочках невоздланной земли. Там среди поникших трав находили каменные круги. Непохоже, чтобы природа могла выложить камни в столь строгом порядке. На склонах гор видели пещеры неясной глубины. Их входы загораживали валуны, что опять-таки вряд ли было случайностью. Странные следы вели как в пещеры, так и от них, если только правильно определяли направление. Но смельчаки видели и самих чудовищ, и это было страшнее всего. Обычно те появлялись в сумерках в долинах или на вершинах неприступных гор.

Было бы куда спокойнее и утешительнее, если бы их описания не совпадали, но везде говорилось одно и то же – что они похожи на гигантских алых крабов со множеством конечностей и крыльями за спиной, как у летучих мышей. Иногда они передвигались на всех конечностях, но если перетаскивали какие-то непонятные предметы, то пользовались лишь двумя задними. Как-то удалось выследить целый отряд, пробиравшийся вдоль лесного ручья, – они шли стройными рядами, по трое в каждой группе. А одно из чудовищ видели в полете: оно спустилось с вершины, и силуэт его распростертых крыльев мелькнул на фоне полной луны и тут же скрылся в небе.

Эти существа довольствовались обществом себе подобных и держались от людей в стороне. Но молва всякий раз обвиняла их, если кто-нибудь из рискнувших поселиться рядом с долинами или высоко в горах вдруг исчезал без следа. Многие боялись там жить, и страх сохранялся на долгие годы, когда о происшествии уже никто не помнил. Люди с ужасом глядели на горы и ущелья, и для них не имело значения, сколько именно человек погибли в темных безднах и сколько ферм сгорело дотла на склонах безмолвных зеленых стражей.

Если в ранних преданиях утверждалось, что чудовища причиняют вред лишь нарушившим их покой, то в более поздних говорилось об их любопытстве по отношению к людям и попытках устроить на земле тайные убежища. Слагались предания о загадочных пропажах людей и странных следах, замеченных по утрам рядом с дальними фермами. Их подкрепляли легенды о том, что чудовища подражают человеческим голосам, заманивают одиноких путников и сводят с ума маленьких детей, выходя из лесов. Последний цикл сказаний относился ко времени, когда предрассудки стали отмирать, а глухие уголки Вермонта совсем опустели. В них поселялись лишь отшельники и одинокие фермеры, которые, не выдержав уединения, повреждались в рассудке. Их остерегались и называли продавшими себя чудовищам. В одном

северо-западном графстве в 1800-е годы считалось модным обвинять разных изгоев и чудаков в сношениях с мерзкими тварями.

Но кем же были на самом деле таинственные чудища? На этот вопрос давались несхожие ответы. Обычно их именовали «эти самые» или «эти древние», а другие прозвища знали лишь местные, и они не прижились. Пуритане в массе своей считали их слугами дьявола и придумывали теологические гипотезы – одну страшнее другой. Ирландцы и шотландцы из Нью-Хэмпшира и владений губернатора Уэнтурда в Вермонте вспоминали кельтские легенды о злобных колдунах и «маленьких людях», живущих в лесах и на болотах, и находили какую-то связь между ними и крылатыми чудовищами, от которых пытались уберечься с помощью старинных заклинаний. Но самые фантастические теории были у индейцев. Конечно, легенды разных племен заметно варьировались, но их суть сводилась к тому, что странные существа не родились на этой земле.

Мифы племени пеннакук, самые красочные и убедительные, учили, что Крылатые существа прилетели на Землю со звезд Большой Медведицы, узнав, что в наших горах есть много камней, каких больше нет нигде. Они строили убежища на вершинах гор и копали шахты глубоко под землей, но долго на Земле не задерживались, говорилось в мифах, и вновь улетали на север, к звездам, увозя с собой тяжелый груз. Они не трогали людей, если те держались от них поодаль, и могли погубить лишь тех, кто забывал об осторожности или следил за ними. Звери и птицы чуяли в них врагов и ненавидели, хотя Крылатые никогда на них не охотились и не употребляли их в пищу. Не притрагивались они и к прочей земной снеди, а питались тем, что привозили со звезд. К ним нельзя было приближаться, и случалось, что молодые охотники, забравшиеся высоко в горы, не возвращались назад. По ночам они перешептывались в лесах, стараясь подражать человеческой речи, но жужжали, словно пчелы, и горе ждало тех, кто слышал этот гул. Они знали наречия живших поблизости индейцев – пеннакуков, гурунов, Союза пяти народов, – но между собой объяснялись без слов, и когда одна тема сменяла другую, их головы окрашивались в разные цвета.

Конечно, на протяжении XIX века легенды, созданные белыми и индейцами, постепенно забывались, и до нас дошли только отрывки, последние вспышки древних верований.

Вермонтцы жили в домах, унаследованных от предков, и ездили по старым дорогам, даже не подозревая, что их когда-то выстроили по вполне определенному плану, исключавшему близкое соседство с чудовищами. Откуда им было знать о старых страхах? Они просто считали, что горные края вредны для здоровья и земли там неплодородны. Чем дальше от гор, тем лучше, говорили они. Со временем привычки и хозяйственные интересы окончательно привязали их к родным местам, и у них не было никаких причин их покидать. Жизнь шла своим чередом, и горы оставались незаселенными скорее случайно, чем преднамеренно. Лишь местные чудаки и старушки перешептывались о чудовищах, затаившихся в горах. Но, судя по слухам, бояться их больше не следовало, так как они привыкли к домам и фермам людей, не посягавших на их территорию.

Обо всем этом мне было давно известно из книг и сказаний, собранных в Нью-Хэмпшире, и когда после наводнения легенды вновь возродились к жизни, я догадался об их подоплеке. Но на моих друзей не действовали разумные доводы, и я с горечью осознал, что их невозможно переубедить. Они спорили со мной и подчеркивали, что в ранних легендах повторялись целые пласты описаний, словно они складывались по единому для всех народов образцу, а горы в Вермонте до сих пор не исследованы, и мы даже не знаем, кто прячется на их вершинах. Их не убеждало даже то, что все мифы складывались по такому образцу и на ранних стадиях постижения мира человечеству были свойственны заблуждения и иллюзии.

Бессмысленно было доказывать подобным оппонентам, что вермонтские мифы мало отличаются от прочих легенд, в которых персонифицируются силы природы. Я не напоминал им о фавнах, нимфах и сатирах, олицетворявших каликандзари современной Греции, или о

загадочных крошечных страшных племенах троглодитов и кротов в ирландских и валлийских сказках. Не стоило приводить им и другие примеры – объяснять, почему непальцы по-прежнему верят, что жуткий Ми-Го, или «снежный человек», прячется во льдах Гималаев. Но я не мог удержаться и перечислил им множество сказаний, которые они вновь истолковали по-своему, предположив, что в каждом из них есть доля исторической истины. По их мнению, на земле существовала какая-то древняя раса, уступившая место человечеству. Большинство племен погибло еще много тысячелетий тому назад, но некоторым удалось затаиться. Возможно, они живы и сейчас.

Чем больше я смеялся над их теориями, тем упорнее они отстаивали их, добавляя, что и без легенд не стали бы игнорировать ясные подробности и вполне прозаические по стилю сообщения. Несколько экстремистов зашли еще дальше. Они заявили, что в индейских мифах нет никакой выдумки и Крылатые прилетели на Землю со звезд. Они цитировали сенсационные книги Чарльза Форта об инопланетянах, не однажды посещавших Землю. Несомненно, мои противники были обыкновенными романтиками, которым хотелось, чтобы в реальной действительности нашлось место фантастическим карликам, ставшим популярными благодаря великолепным рассказам ужасов Артура Мэйчена.

II

Естественно, что в сложившихся обстоятельствах эти жаркие споры вызвали интерес в городе. Нам предложили обменяться письмами, и их опубликовали в «Аркхем адвертайзер». Некоторые были перепечатаны газетами из других мест Вермонта, где видели непонятных утопленников. «Рутленд геральд» уделила полполосы выдержкам из нашей дискуссии, не отдав предпочтения ни одной из спорящих сторон, тогда как «Брэттлборо реформер» напечатала только мой обширный историко-мифологический очерк и снабдила его толковыми комментариями, а в «Пендрайфере» появилась статья, одобрявшая мои скептические выводы.

К весне 1928 года я стал широко известен в Вермонте, хотя ни разу не переступал границу этого штата. А затем ко мне пришли потрясающие письма от Генри Экли, которые произвели на меня огромное впечатление. Тогда я в первый и последний раз посетил волшебный край зеленых гор и журчащих лесных ручейков.

О Генри Уэнтурте Экли я знаю в основном из переписки с его соседями и единственным сыном, живущим в Калифорнии. Но это было гораздо позже, уже после моей поездки к нему, на его уединенную ферму. Я выяснил, что в его роду преобладали юристы, администраторы, агрономы, но эти сугубо практические профессии его никогда не привлекали, и он занялся чистой наукой. За годы учебы в университете Вермонта он основательно изучил математику, астрономию, биологию, антропологию и фольклор. Прежде я о нем никогда не слышал, и в письмах он почти не рассказывал о себе, но мне стало ясно, что он человек с сильным характером, образованный, неглупый, но привыкший к уединению и потому не слишком искушенный в практических делах.

Его утверждения показались мне просто невероятными, но я отнесся к Экли намного серьезнее, чем ко всем моим прочим оппонентам. Во-первых, он непосредственно столкнулся с самым явлением и сумел его описать; правда, ход его рассуждений показался мне крайне субъективным и нелепым, но это уже другой вопрос. Во-вторых, он, как истинный ученый, был готов отречься от своих выводов, если они не подтвердятся на практике, и я проникся к нему уважением. У него напрочь отсутствовали какие-либо личные мотивы, он не думал о славе и стремился лишь к одному – доказать то, что представлялось ему очевидным. Конечно, в ответном письме я указал на его ошибку, но тут же добавил, что это ошибка искреннего и увлеченного человека. Его идеи были непривычны, и он всякий раз говорил о том, какой страх внушают ему лесистые горы, но в отличие от других я никогда не считал Экли сумасшедшим. Я понял, что его рассказы не вымысел, и захотел поглубже разобраться в причинах, побудивших его начать исследования. Позднее я получил от него вещественные доказательства, отчего все дело стало выглядеть иначе и куда более странно.

Думаю, самое лучшее – это процитировать первое большое письмо Экли, в котором он представился мне и познакомил со своими теориями. Скажу честно, оно оставило заметный след в моем сознании. Письмо не сохранилось, но я запомнил его наизусть и вновь готов утверждать, что его автор был совершенно психически здоров. Вот его письмо, написанное старомодным, неразборчивым почерком, который установился у него еще в юности и не менялся в течение всей его размеренной и уединенной жизни.

*РФД. Тауниенд, Уиндхем, Вермонт,
5 мая 1928 г.
Алберту Н. Уилмарту, эсквайру.
Салтонстолл-стрит, 118,
Аркхем, Массачусетс*

Мой дорогой сэр!

Я с большим интересом прочитал в «Брэттлборо реформер» от 23 апреля 1928 г. перепечатку Вашего письма о странных телах, увиденных в реках, и о причудливых народных поверьях, столь подходящих к этому случаю. Легко понять, почему человек, живущий в другом штате, занимает вашу позицию и почему «Пендрайфер» охотно соглашается с ней. Этой точки зрения придерживаются едва ли не все образованные люди и в Вермонте, и за его пределами. В молодости я сам считал точно так же (сейчас мне пятьдесят семь лет), но когда прочел книгу Давенпорта и другие, более общего содержания, то занялся исследованием мало посещаемых окрестных гор.

Меня побудили к моим занятиям таинственные поверья, которые я слышал от неграмотных стариков, однако теперь мне жаль, что я заинтересовался ими. Я отнюдь не понаслышке знаком с антропологией и фольклором, увлекался ими еще в колледже и проштудировал труды таких корифеев, как Тайлор, Лаббок, Фрэзер, Катрфаж, Мари, Осборн, Кейт, Буль, Дж. Эллиот Смит и других. Мне давно известно, что легенды о прячущихся племенах стары как мир. Я видел перепечатку Ваших писем и откликов Ваших сторонников в «Ратленд геральд» и, по-моему, догадался, почему Вы так думаете.

Позвольте мне быть с Вами совершенно откровенным. Боюсь, что Ваши противники ближе к истине, чем Вы, хотя на первый взгляд может показаться, что здравый смысл на Вашей стороне. Они и сами не понимают, что близки к истине, ведь им помогала только теория и они не знали того, что знаю я. Конечно, они рассуждают как дилетанты. Если бы мне было известно так мало, как им, то...

Вы видите, что мне нелегко перейти к существу дела и я не скрываю своих страхов, но все-таки скажу: чудовища действительно обитают в горных лесах, и я берусь это доказать. Я не видел, как они плыли в разлившихся реках, но они не раз попадались мне на глаза при других обстоятельствах. Не стану говорить, где и когда это было. Совсем недавно я заметил их следы рядом с моей старой фермой, близ селения Тауниенд, у подножия Черной горы. И я также слышал их голоса в лесу, но предпочту их не описывать.

Как-то из леса до меня донесся целый хор. Я знал это место в отъезд и отправился туда с диктофоном, фонографом и восковой пластинкой. Скоро я приведу запись в порядок и, если Вы не против, пришлю ее Вам. Я уже ставил пластинку, и старики, живущие в здешних краях, застыли от ужаса, услышав, как жуужжит самый низкий голос. (О жуужжании в лесу писал и Давенпорт.) Они вспомнили, что в детстве бабушки рассказывали им о чудовищах и, желая напугать, подражали этому гулу. Стоит кому-то заговорить о странных голосах, и все думают, будто перед ними сумасшедший. Дело ваше, но прежде, чем Вы решите, нормален я или нет, прослушайте запись и спросите о ней стариков из глубинки. Буду рад, если Вы воспримете ее спокойно, но за всем этим что-то кроется. Ex nihilo nihil fit, как Вам известно.

Собираясь Вам писать, я не ставил перед собой задачу спорить с Вами. Мне нужно Вам многое сообщить, и, надеюсь, мой рассказ не оставит Вас равнодушным. Но предупреждаю Вас: это тайна, и в глазах общества я – Ваш сторонник, так как давно убедился, что людям не полагается много знать об этом предмете. Я не намерен никому говорить о своих исследованиях и привлекать к ним внимание, чтобы посторонние не зачастили в наши горы. Открою Вам правду – чудовища все время следят за нами. Среди людей

у них нашлись агенты, и с их помощью они собирают информацию. Один гнусный тип сам признался мне, что был их агентом. Если он в своем уме (а я полагаю, соображал он не так уж плохо), то его рассказ заслуживает доверия. Впоследствии он покончил с собой, но, думаю, у них тут же нашлись другие.

Это вовсе не древняя человеческая раса, и у них нет ничего общего с людьми. Они прибыли с иной планеты, могут жить в межзвездном пространстве и летать на своих мощных крыльях, которые поднимают их в воздух, но мешают передвигаться по земле. Я расскажу Вам о них поподробнее, если Вы не сочтете меня сумасшедшим. Они добывают металлы в рудниках, глубоко под горами. Думаю, мне известно, откуда они прилетают на Землю. Они не тронут нас, если мы будем держаться в стороне, но любопытство нам дорого обойдется. Никто не знает, на что они способны. Конечно, вооруженные отряды могли бы разгромить их рудники. Они боятся этого, но, если такое случится, с других планет прилетят Крылатые. Их там много, и они смогут без труда завоевать Землю. Вы спросите, почему они не сделали этого раньше. Причина проста: они не нуждаются в господстве над людьми и предпочитают оставить все как есть, чтобы избавить себя от лишнего беспокойства.

Я уже немало выяснил, и, наверное, они захотят со мной расправиться. Когда я нашел в лесу на Круглом холме большой черный камень с непонятными полустертыми надписями и принес его домой, все стало меняться на глазах. Я чувствую, что они неотступно наблюдают за мной. Если они подумают, что я их заподозрил, то либо убьют меня, либо увезут прочь с Земли. Им нравится время от времени похищать ученых и узнавать от них о нашей цивилизации.

И теперь я подошел к другой цели моего письма. Убедительно прошу Вас прекратить обсуждение этой темы на страницах газет. Люди должны держаться подальше от гор, и ради этого нам не следует пробуждать у них любопытство. Одному Богу известно, какая опасность подстерегает каждого, особенно в летнюю пору, когда вместе с учеными и спонсорами научных проектов в Вермонт нахлынут толпы отдыхающих. Страшно подумать, что они доберутся до нехоженых мест и поставят там свои дешевые бунгалo.

Я буду счастлив продолжить переписку и постараюсь выслать Вам запись на фонографе и черный камень (письмена на нем так стерты, что на фотографиях их нельзя разглядеть). Я говорю «постараюсь», потому что боюсь, как бы они не разрушили мои планы. Слежка не прекращается ни на минуту. Здесь на ферме рядом с деревней живет некий Браун. Мальчик он угрюмый, замкнутый и, надо думать, тоже их агент. В общем, я слишком много знаю об их мире, и в отместку они все больше изолируют меня от моего.

Поразительно, но они в курсе всего, что я делаю. Возможно, это письмо до Вас не дойдет. Если положение ухудшится, мне придется отсюда уехать и перебраться к сыну в Сан-Диего, но бросать родные края, где жили шесть поколений моих предков, очень нелегко, и я бы этого не хотел. К тому же Крылатые следят за домом, и я вряд ли сумею его продать. Похоже, теперь они попытаются забрать у меня черный камень и уничтожить запись на фонографе, но я сделаю все, чтобы этого не допустить. До сих пор моим большим служебным собакам удавалось отгонять их от дома. К счастью, пока их очень мало и они довольно неуклюжи. Я уже говорил, что их крылья

не приспособлены для Земли и коротких полетов. Не буду Вас пугать и объяснять, как я расшифровал письма, но работа почти закончена, и Вы с Вашим знанием фольклора могли бы помочь мне заполнить оставшиеся лакуны. Полагаю, Вам знакомы жуткие мифы о божествах, царивших на Земле до появления людей, – о Йог-Сототе и Ктулху, о которых вскользь упоминается в «Некрономиконе». Мне посчастливилось достать эту книгу, и я слышал, что еще один экземпляр хранится под замком в библиотеке Вашего колледжа.

По-моему, мистер Уилмарт, польза от нашего сотрудничества будет обоюдной. Хочу Вас предупредить: как только Вы получите запись и камень, о спокойствии придется забыть. Однако я уверен, что познание для Вас дороже всего и Вы согласитесь рискнуть. Если Вы позволите их прислать, я поеду в Ньюфейн или Брэттлборо и отправлю их поездом, ибо железнодорожным служащим я доверяю больше. Добавлю, что теперь я живу в полном одиночестве, так как никого не могу нанять себе в помощь. По ночам они подходят к воротам фермы, и собаки громко лают. Прислуга этого не выдерживает. Я рад, что не углубился в исследования при жизни жены, а не то она бы сошла с ума.

Надеюсь, я не слишком беспокоил Вас своим посланием и Вы не бросите его в мусорную корзину, решив, что к Вам обратился какой-то маньяк.

Остаюсь искренне Ваш Генри У. Экли.

P. S. Я только что отпечатал фотографии, и, думаю, они убедят Вас в моих словах. Старики нашли, что они на редкость удались. Я вышлю их Вам, если хотите.

Г. У. Э.

Чувства, возникшие у меня при чтении этого странного документа, почти невозможно передать. По логике вещей, ознакомившись с завиральными теориями Экли, я должен был бы расхохотаться. Ведь гипотезы противников настраивали меня на юмористический лад, а они были куда осторожнее. Однако я воспринял его письмо всерьез. Конечно, я ни минуты не верил в племя инопланетян, о котором он писал, но после мучительных сомнений пришел к выводу, что Экли искренний и вполне нормальный человек. Очевидно, он столкнулся с каким-то загадочным и ни на что не похожим явлением и не смог его правильно объяснить. Все не так, как он думает, но, с другой стороны, истина может обнаружиться лишь в ходе исследования. Что-то вывело его из равновесия и даже испугало. В основном он рассуждал вполне логично, а его дерзкая фантазия ничуть не противоречила старым мифам и причудливым индейским легендам.

Я был готов допустить, что он слышал в горах взволновавшие его голоса и нашел черный камень, но его выводы показались мне полным бредом. Возможно, их внушил ему человек, назвавшийся агентом Крылатых. Тот, который позднее покончил с собой. Уж он-то явно был сумасшедшим, хотя, судя по всему, обладал незаурядной силой воли и даром убеждения. Немудрено, что наивный Экли, с юности увлекавшийся фольклором, поверил его небылицам. А что касается жалоб на отсутствие помощи, то, похоже, соседи из деревни поддались страхам не меньше него. Они решили, будто рядом с фермой завелась нечистая сила и каждую ночь осаждает дом Экли. Собаки-то наверняка лают.

А затем эта фонографическая запись, которую он, очевидно, раздобыл именно так, как и поведал мне. Она должна что-то означать, – возможно, рычание и вой животных действительно были похожи на человеческую речь или на звуки каких-то таинственных, появляющихся по ночам дикарей, вряд ли далеко ушедших в своем развитии от животных. И тут я вновь мысленно вернулся к черному камню с непонятными письменами и их скрытому от нас смыслу,

потом к фотографиям, которые Экли собирался мне выслать и которые показались старикам столь пугающе убедительными. Когда я перечитал это написанное неразборчивым почерком письмо, меня охватили странные, незнакомые дотоле чувства. Едва ли моим оппонентам приходило в голову, что я способен к подобным переживаниям. В конце концов, в отдаленных горах вполне могло обитать дикое полувыродившееся племя, а вовсе не пришельцы со звезд, как утверждалось в легендах. Но если так, то причудливые тела, мелькнувшие в водных потоках, не выдумка, а реальность. Возможно, стоит предположить, что и в старых преданиях, и в недавних сообщениях, переполошивших Вермонт, есть немало общего и между ними существует определенная связь. Я не скрывал своих сомнений, но по-прежнему стыдился того, что фантастические описания в странном письме Генри Экли настроили меня столь романтично.

Я все-таки решил ответить Экли. Мое письмо было выдержано в дружеском тоне и проникнуто явным интересом к его рассказу. Более того, я предложил ему продолжить переписку и с нетерпением ждал новых известий. Его второе письмо пришло в скором времени. Он сдержал свое обещание, и я получил фотографии описанных им ранее событий и предметов. Я принялся разглядывать вынутые из конверта снимки, и мои руки похолодели от страха и близости к разгадке вековой тайны. От этих любительских нечетких фотографий, сделанных «кодаком», исходила поистине магическая сила. Ни одна самая искусная подделка или монтаж не произвели бы такого впечатления.

Чем дольше я смотрел на них, тем яснее понимал, что к Экли и его рассказу нужно относиться всерьез. Случившееся в Вермонте выходило за рамки наших привычных представлений. На первой фотографии я увидел следы, отпечатавшиеся на грязном клочке земли рядом с камнями и травой. Их освещало яркое полуденное солнце. Я назвал их следами, хотя правильнее было бы говорить о вдавлениях от когтей. Такие обычно остаются от крабьих клешней. Однако по размеру эти вдавления совпадали со следами от подошвы нормальной человеческой ноги. Передние клешни с острыми, как зубцы, когтями были повернуты в противоположных направлениях – одна вперед, а другая назад. Это вызывало недоумение, но, возможно, они служили не только для ходьбы.

На второй фотографии из глубокой тени проступал вход в пещеру, плотно загороженный валуном. На тропинке виднелась вереница следов. Я вооружился лупой и пригляделся. Мне показалось, что они похожи на вдавления на первом снимке, но я не мог за это поручиться. На третьей я не обнаружил никаких следов и несколько минут рассматривал каменный круг, красовавшийся на вершине горы. Экли не побоялся взобраться на самый высокий лесной пик, окруженный меньшими холмами. Трава около ровных камней пожухла и расстилалась по земле.

Если следы взволновали меня до глубины души, то камень, найденный в лесистой чаще на Круглом холме, откровенно изумил. Экли сфотографировал его в своем кабинете на фоне книжных полок и стоявшего в нише бюста Мильтона. Высота этого снятого крупным планом и вертикально поставленного камня составляла чуть более фута. Я обратил внимание на его шероховатую поверхность, но не решился бы определить ни его фактуру, ни то, как он был выточен. Скажу лишь, что с камнем такого цвета и формы я столкнулся впервые. В нем было что-то неземное, чуждое нашему миру. Я перевел взгляд на письма, но сумел расшифровать лишь несколько фраз, вызвавших у меня невольный трепет. Конечно, не я один читал страшный и отвратительный «Некрономикон» безумного араба Абдулы Альхазреда, и возможность подделки отнюдь не исключалась. Тем не менее я с ужасом подумал о богохульных символах, родившихся в ту давнюю-давнюю пору, когда ни Земли, ни других планет еще не было и во Вселенной господствовал хаос.

На трех из пяти оставшихся фотографий Экли заснял болото и горы. Я вновь воспользовался лупой и заметил на дорожках и в гати слабые отпечатки когтей. Они то выступали, то терялись из виду, и это не могло не испугать. Еще на одном снимке вдавления обозначились

на участке земли перед домом Экли, но изображение оказалось на редкость расплывчатым. Он писал, что в ту ночь собаки зашли в злобном лае, утром он сфотографировал следы, однако остался недоволен снимком. Похоже, впрочем, что никаких отличий от вдавленных, оставшихся в лесу, в этих отпечатках не наблюдалось. На последней фотографии я увидел двухэтажный белый дом Экли с мансардой, построенный лет сто с четвертью тому назад. Вымощенная дорожка вела к резной георгианской двери. На лужайке разлеглись большие собаки-ищейки. Рядом с ними стоял добродушного вида пожилой мужчина. Мне бросилась в глаза его аккуратно подстриженная седая борода. Нетрудно было догадаться, что это сам Экли, заснявший себя с помощью отводной трубки с лампочкой.

Я отложил фотографии и принялся читать объемистое письмо. Не скрою, мне понадобилось три часа, чтобы побороть охвативший меня ужас. Поверьте, я несколько не преувеличиваю. Если в первом послании Экли лишь вкратце перечислил факты, то теперь не поскупился на подробности. Он описал разговор, подслушанный в лесу, и воспроизвел транскрипцию непонятных слов. Поделится впечатлением от розовых туловищ Крылатых тварей, мелькнувших перед ним в сумерках на одной из горных вершин. Изложил длинный монолог покончившего с собой сумасшедшего агента и снабдил этот жуткий «космический» рассказ собственными комментариями. Страницы письма пестрели именами и названиями, которые мне уже приходилось слышать в связи с таинственными событиями седой старины. Он упомянул Юггот, Великого Ктулху, Тзаттогуа, Йог-Сотота, Р'лайх, Ньярлатхотепа, Азатот, Хастура, Йана, Ленга, озеро Хали, Бетмуру, Желтый Знак, Л'мур-Катулоса, Брана и Магнум Инноминандум. Все они исчезли в безднах минувших тысячелетий, их поглотили бескрайние просторы иных, древних миров, о которых смутно подозревал лишь безумный автор «Некрономикона». Экли поведал мне, как заструились первые родники, как они слились в потоки и как из этих потоков возникли реки и моря – источники жизни на Земле.

Немудрено, что от чтения письма моя голова пошла кругом и, даже не пытаясь что-либо объяснить, я поверил во все чудеса и нелепицы. Живость его описаний завораживала, но в то же время Экли старался сохранять объективность истинного ученого, далекого от фанатизма или экзальтации, и меня подкупил его ровный, спокойный тон. Когда я прочел письмо до конца, мне стал понятен его страх. Я решил, что должен помочь ему удержать других от поездки в Вермонт и рассказать, как опасны эти проклятые пустынные горы. С тех пор прошло немало времени, и первое впечатление поблекло. Вспоминая о пережитом, я вновь и вновь задаю себе вопросы и не могу избавиться от сомнений, но и сейчас не рискну процитировать несколько отрывков из его письма. Скажу больше, я не в силах даже переписать эти отрывки. Я рад, что письма, пластинка и фотографии пропали, и от всей души желаю, чтобы никто не узнал о новой планете неподалеку от Нептуна. Причины я объясню чуть позже.

Я последовал совету Экли и прекратил полемику. Оппоненты так и не дождались моего очередного выступления в прессе. Страшные события в Вермонте понемногу начали забываться, и спор иссяк сам собой. В конце мая и в июне я регулярно обменивался письмами с Экли. Он боялся, что их могут перехватить по дороге, и мы сделали с них копии. Тем временем мы вплотную занялись исследованием: прояснили запутанные мифологические сюжеты и сопоставили старые легенды с происшедшим в Вермонте.

Вскоре мы пришли к выводу, что жуткий Ми-Го, скрывавшийся в Гималаях, внушал местным жителям похожий страх, и легенды о нем очень напоминают предания о Крылатых. Правда, в этих легендах было еще больше догадок, ведь никто не знал, зверь ли Ми-Го или дикий «снежный человек». Я хотел проконсультироваться с профессором Декстером, преподававшим в нашем колледже зоологию, но Экли запретил мне говорить с посторонними о горных чудовищах. Если я теперь нарушаю обещание, то только потому, что горы Вермонта и заснеженные пики Гималаев год от года привлекают все больше туристов, которые плохо представляют, что их там ждет. Мое молчание может погубить сотни жизней, поэтому я должен предупред-

доть об угрозе. А еще мы старались расшифровать письма на чертовом черном камне, чтобы найти ключ к разгадке одной из самых страшных тайн, которые до сих пор открывались людям.

III

В конце июня я получил запись на фонографе. Ее привез пароход из Брэттлборо, так как Экли перестал доверять идущим с севера поездом. Ему все время казалось, что за ним следят, и пропажа нескольких писем лишь подтвердила его мрачные опасения. Он постоянно говорил о коварных происках окрестных фермеров и считал их агентами затаившихся чудовищ. Особые подозрения ему внушал угрюмый Уолтер Браун. Он жил один на склоне холма, рядом с густым лесом, и его часто видели в разных кварталах Брэттлборо, Беллоус-Фоллс, Ньюфейна и Южного Лондонберри, где он слонялся без всякого дела. Трудно было понять, зачем он появляется в этих городских уголках. Экли уверял меня, что Браун встречается в лесу с чудовищами и он сам слышал там его голос. А однажды он заметил отпечатки когтей рядом с домом Брауна и с тех пор совсем лишился покоя. Эти отпечатки сопровождали следы самого Брауна, и Экли понял, что он вел за собой чудовищ.

Итак, запись прибыла по реке из Брэттлборо, а Экли довез ее окольными дорогами до города. Он признался мне в коротенькой записке, что стал бояться заброшенных шоссежных дорог и отныне собирается ездить в Тауншенд за покупками только днем. Он снова и снова повторял, что жить рядом с безмолвными горами невыносимо и ему пора перебираться к сыну в Калифорнию, хотя его молодость и лучшие воспоминания связаны с Вермонтом и здесь похоронены все его предки.

Перед тем как завести патефон (я взял его в администрации колледжа) и поставить пластинку, я перечитал письма Экли и обратил внимание на его разъяснения. По его словам, запись была сделана в час ночи 1 мая 1915 года, рядом с загороженным входом в пещеру на Черной горе, поблизости от болота Ли. В этом месте всегда слышались странные голоса, поэтому он и взял с собой на ночную прогулку диктофон и фонограф. Опыт подсказал ему, что он верно выбрал время и канун 1 мая, когда ведьмы слетаются на шабаш, судя по старинным европейским легендам, наверняка будет результативнее любой другой ночи. Он не ошибся. Любопытно, однако, что больше он ни разу не слышал там ни одного голоса. Очевидно, он стал свидетелем какого-то квазиритуального действия, во время которого различил один человеческий голос. Он не знал, чей это голос, но мог поручиться, что не Брауна. Голос показался ему хорошо поставленным и богатым оттенками. А вот второй явно принадлежал кому-то из Крылатых. Отвратительное жужжание не походило на человеческую речь, хотя в нем можно было различить правильно произнесенные английские слова.

Фонограф и диктофон работали неважно, и потому Экли уловил отнюдь не все сказанное, а запись получилась фрагментарной. Он прислал мне транскрипцию ряда слов, и я просмотрел их, перед тем как завести патефон. Услышанное мной было скорее причудливым и таинственным, чем откровенно пугающим, хотя я знал, как и при каких обстоятельствах Экли сумел записать всю сцену, и одно это невольно внушало страх. Я запомнил отрывок наизусть и сейчас постараюсь его воспроизвести. Как-никак, я слушал запись много раз, да такое и не забывается!

(Неразборчивые звуки)

(Хорошо поставленный мужской голос)

«...Царь леса, даже... и дары жителей Ленга... и так из пропастей ночи в бездны пространства и из бездн пространства в пропасти ночи и хвала Великому Ктулху, Тзаттогуа и Тому, чье имя нельзя произнести вслух. Вечная слава им и обильные жертвы Черному Козлу лесов. Иа! Шаб-Ниггурат! Козел с легионом молодых!»

(Жужжащее подражание человеческому голосу)

«Иа! Шаб-Нигтурат! Черный Козел лесов с легионом молодых!»

(Человеческий голос)

«И пришло время направиться к Царю лесов, было... семь и девять... вниз по опаловым ступеням, подаренным ему в Бездне. Азатот. Он, научивший Тебя и нас великолепию... на крыльях ночи за пределы всех пространств, за... в те сферы, где Юггот лишь младшая из планет, одиноко вращается в черном эфире на краю...»

(Жужжащий голос)

«Иди к людям и отыщи те пути, которые он мог знать в Бездне. Он мог сказать обо всем Ньярлатхотепу, Могучему Вестнику. И он стал похожим на человека, надев восковую маску и облачившись в людскую одежду, и спустился на Землю из мира Семи Солнц, чтобы подшутить...»

(Человеческий голос)

«Ньярлатхотеп, Великий Вестник, одарил Юггот странной радостью сквозь пустоты. Отец Миллионов Избранных, Странник среди...»

(На этом запись обрывается)

Такие слова я слышал, заведя патефон. Я был настолько ошеломлен и испуган, что вновь нажал на кнопку, но до меня донесся лишь скрежет иглы о пластинку. Я от души обрадовался тому, что первые еле уловимые, обрывистые слова произнес человеческий голос – звучный и четкий голос с чуть заметным бостонским акцентом. Я решил, что его обладатель никак не мог прятаться вместе с чудовищами в горах Вермонта. Слушая убогую запись, я подумал, что Экли точно транскрибировал непонятные слова, когда человек мелодично пропел: «Иа! Шаб-Нигтурат! Козел с легионом молодых!...»

А затем до меня донесся другой голос. И теперь еще меня пробивает нервная дрожь, хотя Экли успел предупредить меня о нем. Все, кому я рассказывал о записи, считали ее или грубой подделкой, или бредом сумасшедшего. Но если бы я принес им эту чертову пластинку или дал прочесть груды писем Экли (особенно второе, с его энциклопедическими сведениями), они бы стали думать иначе. Покорность обошлась мне слишком дорого – я никому не дал послушать пластинку, а потом она и письма бесследно исчезли. Как бы я ни был подготовлен, голос произвел на меня непередаваемо жуткое впечатление. Он торопливо повторял вслед за человеком слова ритуального заклинания, но мне представлялось, что он исходит из адских глубин и гулкое эхо разносит его по бескрайним просторам. Прошло больше двух лет с тех пор, как я в последний раз ставил пластинку, но этот жужжащий глухой звук по-прежнему стоит у меня в ушах.

«Иа! Шаб-Нигтурат! Черный Козел лесов с легионом молодых!» Странно, но я не в силах проанализировать или графически изобразить интонации чудовища. Такие звуки могло бы издавать какое-то отвратительное гигантское насекомое, если бы его научили произносить наши слова. Я абсолютно убежден в том, что его вокальные органы ничем не походили на человеческие и даже на органы прочих млекопитающих. У него был особенный тембр, диапазон и обертона, выделявшие его из рода всех живых существ и обитателей нашей планеты. Первые сказанные им слова настолько изумили меня, что я больше прислушивался к гулкому жужжанию, чем вникал в его смысл. Оно становилось все громче, и я не мог отделаться от ощущения какого-то небывалого кошунства. Наконец запись оборвалась, когда в разговор вновь вступил звучный и мелодичный человеческий голос с бостонским акцентом. Я сидел, бессмысленно глядя на успевший автоматически выключиться патефон.

Вряд ли стоит упоминать о том, что я не раз ставил эту пластинку, пытался проанализировать запись и делился своими впечатлениями в письмах к Экли. Бессмысленно повторять

наши описания и выводы и вновь растревлять себе душу. Впрочем, могу намекнуть, что наши оценки совпали. Мы решили, что приблизились к истокам некоего отвратительного древнего обряда одной из самых таинственных религий в истории нашей Земли. Нам также стало ясно, что между прячущимися пришельцами и всем человечеством на протяжении долгих веков существовала сложная система связей. Мы не догадывались, широки ли эти связи и можно ли сравнивать их современное состояние с тем, что было прежде, однако у нас появилась определенная основа для бесчисленных, порой весьма зловещих толкований. Очевидно, подобная связь между человечеством и безымянной бесконечностью никогда не прерывалась, и одно это откровенно пугало. Богохульство проникло на Землю с темной планеты Юггот, находившейся на краю Солнечной системы, но сама она была лишь временным пристанищем страшного межзвездного племени. А родилось оно, судя по всему, где-то за границей временно-пространственного континуума, открытого Эйнштейном, или за пределами известного нам космоса.

Мы продолжали спорить и по поводу черного камня, обдумывая, как его лучше доставить в Аркхем. Экли не советовал мне приезжать к нему и постоянно напоминал о кошмарных ночных событиях. По той или иной причине он боялся доверить свой груз обычным видам транспорта. Наконец он решил провезти камень кружным путем до Беллоус-Фоллс, а после отправить его на пароходе до Бостона через Кин, Уинчендон и Фитсбург, хотя в этом случае ему неизбежно пришлось бы проехать по заброшенным, поросшим лесом дорогам, куда более опасным, чем шоссе, ведущее к Брэттлборо. Он сказал, что, посылая мне записку, заметил на вокзале в Брэттлборо какого-то насторожившего его человека. Этот человек был явно взволнован и не пожелал разговаривать со служащими на станции. Он сел в тот же поезд, которым Экли отправил мне пластинку. Экли признался, что был не уверен, получу ли я ее, и успокоился, лишь когда я сообщил о ее благополучном прибытии. Как раз в это время – в десятых числах июля – по дороге пропало мое очередное письмо, о чем я узнал из тревожного послания Экли. А затем он попросил меня больше не писать ему в Тауншенд, а отправлять все письма на главный почтамт в Брэттлборо до востребования. Он пояснил, что теперь будет чаще ездить туда или на своей машине, или новым скоростным пассажирским рейсом, недавно заменившим прежний, медленный. Я понял, что его тревога нарастает с каждым днем. Он подробно описывал громкий лай собак безлунными ночами, сообщал мне о новых следах от когтей, обнаруженных утром на дороге и в топкой грязи за фермой. Как-то он рассказал мне о целой веренице следов, совпадавших по направлению со вмятинами от собачьих лап, и в подтверждение прислал фотографии. Именно в ту ночь собаки отчаянно лаяли и выли.

Утром в среду 18 июля я получил телеграмму из Беллоус-Фоллс. Экли известил меня о том, что отправил черный камень поездом № 5508, выехавшим из Беллоус-Фоллс в 12:15 дня. Он должен был прибыть на Северную станцию в Бостон в 16:12. Я подсчитал, что посылка окажется в Аркхеме через сутки, и в пятницу провел все утро дома, ожидая, что вот-вот получу ее. Однако ни в полдень, ни позднее она так и не пришла. Я позвонил на станцию и выяснил, что среди багажа этой посылки нет. Затем я связался по телефону с железнодорожным агентом Северной станции в Бостоне и с изумлением узнал о том, что у них тоже отсутствует груз на мое имя. Поезд № 5508 простоял вчера в Бостоне целых тридцать пять минут, но никакой предназначенной мне посылки в его товарном вагоне не обнаружилось. Агент обещал мне расследовать всю историю, и вечером я написал Экли очередное письмо, где подробно изложил странное происшествие.

Ответ из Бостона пришел на следующий день. Агент не терял времени даром и позвонил мне, как только выяснил обстоятельства. Он успел переговорить с проводником поезда № 5508 и передал мне его весьма любопытный рассказ. На остановке в Кине к этому проводнику подошел простоватого вида человек с выгоревшими добела волосами, назвался Стэнли Адамсом и, не скрывая волнения, спросил, куда пропал отправленный ему большой ящик. Его низкий монотонный голос внезапно усыпил проводника, и он не помнил, чем кончился их раз-

говор. Когда он очнулся, Адамса рядом не было, а поезд только что тронулся дальше. Агент из Бостона добавил, что проводник на редкость честный и порядочный молодой человек и за годы службы в их компании зарекомендовал себя с лучшей стороны.

Я записал имя и домашний адрес проводника и вечером выехал к нему в Бостон. Он держался открыто, располагал к себе, но не дополнил уже известную мне историю никакими новыми сведениями. Как ни странно, он не смог толком рассказать, как выглядел этот загадочный Адамс, и обратил внимание лишь на его необычный голос. Я вернулся в Аркхем и написал вечером несколько писем – одно Экли, другое служащим железнодорожной компании, а третье агенту в Кин, да еще обратился с запросом в местную полицию. У меня не было сомнений в том, что человек со странным голосом не только загипнотизировал проводника, но и сыграл ведущую роль во всем этом мрачном происшествии. Я надеялся, что служащие станции в Кине и записи, оставшиеся на телеграфе, подскажут мне, кто он такой и как ему удалось узнать о посылке.

Однако мои расследования оказались безрезультатными. Человека со странным голосом действительно видели на станции в Кине рано утром 18 июля, и кто-то из служащих заметил, как он нес тяжелый ящик, но никто его не знал и не встречал прежде. Он не заходил на телеграф, и никаких сообщений на его имя, насколько известно, не поступало, равно как не поступало и других сведений, из которых можно было бы выяснить, что черный камень находится в товарном вагоне поезда № 5508. Естественно, что Экли принялся за расследование вместе со мной и даже приехал в Кин, чтобы расспросить живущих рядом со станцией, но был настроен фаталистически и не рассчитывал на удачу. Похоже, он воспринял пропажу ящика как злое подтверждение уже знакомых ему намерений, и никакой надежды вновь отыскать камень у него не было. Он говорил о несомненных телепатических и гипнотических свойствах горного племени и их агентов, а в одном из писем прозрачно дал мне понять, что камня больше нет на Земле. Что касается меня, то я просто пришел в ярость и долго не мог успокоиться: ведь древние полустертые письма могли поведать нам столько удивительных и глубоких тайн. Не знаю, сумел бы я пережить эту потерю, если бы не новые письма Экли. Теперь в пугающей «горной» проблеме обозначилась следующая фаза, и все мое внимание обратилось к ней.

IV

Неведомые твари осмелели, писал Экли еще более неразборчивым почерком – по-видимому, у него дрожала рука, – и решили вплотную подойти к его дому. Почуввав неладное, в безлунные или тусклые ночи его собаки лаяли без умолку, а днем кто-то постоянно пытался преградить ему дорогу. Второго августа он поехал в деревню и наткнулся на дороге на поваленный ствол. Это было как раз у поворота в горы. Сидевшие с ним в машине две большие собаки грозно зарычали, предупредив хозяина, что чудовище притаилось совсем рядом, за деревьями. Теперь он совсем не мог обходиться без своих верных помощников и всюду брал их с собой. Дорожные приключения продолжились 5 и 6 августа – сначала пуля задела крыло его машины, а на следующий день собаки опять лаяли, сигнализируя ему об опасности.

Пятнадцатого августа он прислал мне отчаянное письмо, и я очень расстроился. Я понял, что в одиночку он долго не продержится и ему нужно обратиться за помощью в полицию. Закон обязан его защитить. В ночь с 12 на 13 августа события приняли угрожающий оборот – его ферму обстреляли и убили двух или трех собак. На дорожке виднелись отпечатки многих сотен когтей рядом со следами Уолтера Брауна. Экли позвонил в Брэттлборо, чтобы ему прислали еще несколько собак, но не успел сказать и двух слов, как связь оборвалась. Ему пришлось поехать в город, где он выяснил, что кабель перерезали высоко в горах к северу от Ньюфейна. Однако домой он вернулся с четырьмя отличными новыми собаками и надежными средствами защиты для отражения очередных атак. Он написал мне это письмо на почте в Брэттлборо, и я получил его без каких-либо задержек.

Мое отношение к происходящему к тому времени заметно изменилось – меня уже не слишком волновали научные проблемы, и я с беспокойством думал о судьбе Экли. Я боялся за него, живущего на далекой, уединенной ферме, и в какой-то мере боялся за себя – как-никак, я успел уже основательно изучить подробности, связанные со странным горным племенем. Оно окончательно вышло из укрытия и каждый день давало о себе знать. Доберутся ли они до меня? Попробуют ли меня окружить? В ответном письме я предложил Экли свою помощь и дал понять, что начну действовать, если он откажется. Я вновь заговорил с ним о поездке в Вермонт, решив, что он одобрит мой поступок, и добавил, что поддержу его и объясню властям сложившееся положение. Однако он откликнулся лишь короткой телеграммой, посланной из Беллоус-Фоллс:

*Ценю вашу позицию, но ничего не могу поделать. Советую воздержаться от поездки – она способна повредить нам обоим. Ждите объяснений.
Генри Экли*

Но дело оказалось куда серьезнее и глубже. После того как я отозвался на телеграмму, ко мне пришло письмо от Экли. Оно было написано дрожащим почерком, и я с изумлением узнал, что он не только не отправлял телеграмму, но и не получал моего письма, непосредственным ответом на которое она, по логике, и являлась. Он тут же навел справки в Беллоус-Фоллс и обнаружил, что телеграмму послал странный человек с выгоревшими добела волосами и низким, гудящим голосом. Однако кроме этого Экли ничего выяснить не удалось. Служащий показал ему рукописный вариант телеграммы, но почерк был Экли совершенно незнаком. Он обратил внимание на неправильное написание своей фамилии, без последнего «и». Дальнейшие расследования казались неизбежными, однако новый кризис вынудил его их прекратить.

Экли написал мне о смерти нескольких своих собак и о покупке очередной партии. Упомянул и про обстрелы, повторявшиеся каждую безлунную ночь. В эти дни он регулярно обнаруживал следы Брауна и еще двоих человек рядом с отпечатками когтей на дороге и задворках фермы. Он говорил, что будет, видно, вынужден переехать к сыну в Калифорнию, даже не

продав фермы, однако нужно еще немного повременить, может быть, он отпугнет пришельцев, особенно если перестанет разгадывать их тайны.

Я вновь предложил свою помощь. Написал, что угроза очевидна и мы должны убедить в этом местные власти. На него все-таки подействовало мое упорство, он смягчился и уже не был столь решителен. Отвергая мой план, он просил предоставить ему срок, чтобы привести в порядок дом, собрать вещи и свыкнуться с мыслью о расставании с родными краями. Так как соседи относились к его исследованиям неодобрительно и не оказывали ему никакой поддержки, то лучше ему будет уехать незаметно, чтобы не пошли пересуды и не возникли сомнения в его психическом здоровье. С него довольно, признавался мне Экли, но он хотел бы достойно сойти со сцены.

Письмо я получил 28 августа и тотчас написал ответ, в котором постарался его приободрить. Я достиг цели. Он немного успокоился, перестал жаловаться на усталость и описывать перестрелки. Впрочем, я не обнаруживал в его письмах и особого оптимизма. Он полагал, что временная передышка вызвана только наступившим полнолунием, и мечтал о безоблачных сентябрьских ночах, да еще писал о том, что переедет в гостиницу в Брэттлборо, как только скроется луна. Я вновь его подбадривал, но 5 сентября опять получил тревожное письмо, которое он, видимо, написал, не дождавшись моего утешения. По-моему, это письмо очень важно и его надо привести полностью, насколько я его запомнил.

Понедельник.

Дорогой Уилмарт!

Вот Вам мой безнадежный постскриптум к последнему посланию. Прошлой ночью небо заволокло тучами и лунный свет не мог сквозь них пробиться. Впрочем, дождя не было. На мой взгляд, дело плохо и, несмотря ни на что, конец близок. После полуночи кто-то залез на крышу и сбежались собаки. Я слышал, как они рычали и выли, а одна даже прыгнула на крышу с низкой пристройки. Там завязалась жестокая драка, и до меня донеслось страшное жужжание, которого я никогда не забуду. Да еще этот запах. Пули влетели в окно, и я едва успел отскочить.

Думаю, когда собаки разделились и одни остались внизу, а другие забрались на крышу, к дому подошел целый отряд чудищ. Я до сих пор не знаю, что там случилось, но, боюсь, крылья большие им не мешают. Я погасил свет и стал стрелять из окон, стараясь не попасть в собак. На этом дело закончилось, но утром я увидел во дворе лужи крови и липкие зеленые кучи, от которых несло какой-то невообразимой дрянью.

Потом я вскарабкался на крышу, также загаженную этими кучами. За ночь я лишился пяти собак, и гибель одной из них на моей совести. Я по ошибке прицелился слишком низко, и пуля угодила ей в спину. Сейчас я чиню пробитые пулями окна и скоро поеду в Брэттлборо за новыми собаками. На фермах меня считают сумасшедшим. На днях я черкну Вам новое письмо. Наверное, через неделю-другую я буду готов к переезду, хотя одна мысль об этом убивает меня.

Писал второпях. Экли

Почти сразу же Экли отправил мне второе письмо, которое я получил утром 6 сентября. На сей раз его каракули совсем вывели меня из равновесия, и я не знал, что ему ответить. Пожалуй, мне лучше привести текст, как я его запомнил.

Вторник.

Облака не рассеялись, и, значит, луны по-прежнему нет. Впрочем, в ближайшие дни она все равно должна пойти на ущерб. Я бы починил

электричество и включил прожектор, если бы не был уверен, что они вновь перережут провода.

Наверное, я схожу с ума. Может быть, все, что я Вам писал, – фантазия или бред. Положим, и раньше ничего хорошего не было, но сейчас уже чересчур. Они говорили со мной прошлой ночью. Говорили своими проклятыми жуужающими голосами. Я не осмелюсь передать Вам содержание нашей беседы. Я слышал их ясно и четко, мне не мешал даже залиvistый лай собак. Когда их речь перешла в глухой гул, в разговор вступил человеческий голос, объяснивший мне смысл слов. Будем откровенны, Уилмарт, все гораздо хуже, чем мы подозревали. Они не пускают меня в Калифорнию и хотят взять живым с собой, точнее, живым останется только мой разум, – и на Юггот, и еще дальше – за пределы нашей Галактики, а быть может, и в иные пространства. Я ответил, что не собираюсь следовать за ними – и уж тем более в том ужасном виде, в каком они намерены меня транспортировать, но, боюсь, мои отказы бесполезны. Я живу так далеко и уединенно, что они могут явиться сюда среди бела дня, как, впрочем, и ночью. Убиты еще шесть собак, и когда я ехал сегодня в Брэттлборо, то чувствовал, что они прячутся совсем рядом, в лесистых частях дороги.

Я совершил ошибку, послав Вам пластинку и попытавшись отправить черный камень. Советую Вам уничтожить запись, пока не поздно. Завтра черкну Вам еще письмо, если останусь здесь. Я хотел бы перевезти свои книги и вещи в Брэттлборо и на время обосноваться в городе. Я сбежал бы отсюда и налегке, если бы мог, но что-то удерживает меня, а что именно, я и сам не понимаю. Я переберусь в Брэттлборо, как только почувствую себя в безопасности, но сейчас мне кажется, что я пленник в собственном доме. Меня не оставляет ощущение, что я ничего не добьюсь, даже если брошу все и сбегу. Это ужасно, и я прошу Вас держаться подальше от всего связанного с ними.

Ваш Экли

Я не спал всю ночь, получив это жуткое письмо, и меня не на шутку тревожило душевное состояние Экли. Содержание его письма было совершенно безумным, однако общий тон и стиль, учитывая все, что произошло на ферме, свидетельствовали о мрачной решимости и сохранившейся силе воли. Я не стал ему отвечать, подумав, что лучше будет дожидаться нового письма Экли, если только у него найдется время для продолжения переписки и он сумеет откликнуться на мое последнее послание. И правда, на следующий день ко мне пришло его новое письмо. Обилие свежей информации не позволило мне немедленно откликнуться. Судите сами, я хорошо запомнил текст и привожу его полностью. Письмо было написано самыми настоящими каракулями и усеяно кляксами. Похоже, он страшно торопился и почти не владел собой.

Среда.

Я получил Ваше письмо, но говорить о нем и подробно обсуждать его содержание теперь бессмысленно. Я побежден и намерен бросить свои исследования. Удивляюсь, как у меня еще хватило духа с ними бороться. Я не смогу от них скрыться, даже если оставлю все вещи и убегу. Они меня поймут.

Вчера они прислали мне письмо – его принес человек из РФД, когда я был в Брэттлборо. Его текст отпечатан на машинке, и на конверте – итемпель

Беллоус-Фоллс. Они сообщили о том, что собираются со мной сделать, и я не в силах это повторить. Берегитесь, Вам тоже грозит опасность! Разбейте пластинку. Луна пошла на ущерб, и ночи будут облачными. Я готов принять помощь – это могло бы меня спасти, но любой приехавший сюда решит, что я сумасшедший, если только не обнаружит неоспоримых доказательств. Поэтому я не вправе к кому-либо обращаться и просить. Я просто не смогу никому объяснить так, чтобы мне поверили. Да и прежде не мог.

Но я еще не сказал Вам самого худшего, Уилмарт. Наверное, Вам лучше не читать эти строки, а не то Вы оцепенеете от шока. Но знайте, я говорю правду. Так вот – я видел их и дотронулся до одной твари или, вернее, до какой-то ее части. Боже мой, это настоящий ужас! Конечно, она была мертва. Ее убила одна из моих собак, и я нашел ее сегодня утром у конуры. Я попытался отнести ее в сарай и сохранить, чтобы убедить людей – они действительно существуют, но она... испарилась за несколько часов. От нее ничего не осталось. Знаете, их видели в реках лишь в первое утро после наводнения. И это хуже всего! Я решил ее заснять и отправить Вам фотографию, но когда стал проявлять снимок, на нем ничего не было видно! Ничего, кроме сарая. Из чего же они состоят? Ведь я же видел эту тварь, успел ее пощупать, к тому же они все оставляют следы. Несомненно, они телесны, но из чего состоят их тела? А их облик не поддается описанию. Представьте себе огромного краба с массой высоких колец или узлов из каких-то плотных канатов и со щупальцами на месте головы. Зеленая слизистая жидкость – это их кровь или сок. И с каждой минутой таких чудовищ на Земле все больше и больше.

Уолтер Браун пропал – его не видели в городских кварталах и деревнях, где он прежде слонялся целыми днями. Очевидно, я пристрелил его, хотя твари обычно уносят с собой убитых и раненых.

Сегодня днем я смог спокойно добраться до города. Наверное, они убедились в моей покорности и решили прекратить слежку. Я пишу на почте в Брэттлборо. Возможно, это конец и больше писем не будет. В таком случае сообщите моему сыну Джорджу Гудинафу Экли. Его адрес – Плезант-стрит, 176, Сан-Диего, Калифорния. Прошу Вас, не приезжайте сюда. Напишите моему мальчику, если в течение недели Вы не получите от меня ни одной весточки, и следите за новостями в прессе.

Сейчас я собираюсь разыграть две последние карты, если, конечно, у меня хватит сил. Сначала попробую отравить их ядом (у меня есть разные химические смеси и маски для себя и собак), а если он не подействует, расскажу обо всем шерифу. Они могут упрятать меня в сумасшедший дом, но уж лучше это, чем полет с чудовищами. Возможно, я попрошу полицейских обратить внимание на следы вокруг дома. Правда, они не слишком четкие, но я каждое утро нахожу свежие. Полагаю, полицейские скажут, что я их обманываю. Они все считают, что я рехнулся.

Да, я должен вызвать полицию, и пусть кто-то из полицейских останется на ночь у меня на ферме и увидит все своими глазами, хотя, наверное, эти твари узнают о моих планах и не появятся здесь ночью. Ведь они уже перерезали кабель, когда я попытался позвонить ночью по телефону, – связист на телефонной станции подумал, что все это более чем странно, и, наверное, решил, что я сам его перерезал. Я уже неделю не могу вызвать мастера и восстановить связь.

Конечно, мне стоило бы рассказать обо всем местным крестьянам, они бы поверили в эти ужасы, но их бы подняли на смех, попробуй они заявить властям, да к тому же они уже давно обходят мой дом стороной и ничего не знают о последних событиях. Даже ради денег никто из окрестных фермеров не согласится приблизиться хоть на милю. Здеишний разносчик продовольствия слышал, что они говорят и как вышучивают меня на все лады. Боже мой! Если бы у меня хватило смелости поговорить с ним и убедить его, что это правда! Думаю, мне надо показать ему следы, но он приходит не раньше полудня, а к этому времени они обычно исчезают. Возможно, землю с отпечатками когтей следует поместить в ящик с крышкой, но тогда он подумает, что я над ним просто издеваюсь.

Я сам виноват, что столько лет жил отшельником; будь я пообщительнее, крестьяне не стали бы меня избегать. Я мог продемонстрировать черный камень, снимки или поставить пластинку лишь старикам да невеждам. Остальные сказали бы, что это розыгрыш, и вволю посмеялись бы надо мной. Но, возможно, я все же покажу фотографии. На них ясно видны следы, пусть даже этих тварей и нельзя заснять. Как жаль, что никто, кроме меня, не видел ее сегодня утром, пока она не испарилась. Не знаю, к чему это приведет. После всего, что я пережил, в психиатрической клинике мне, наверное, станет легче. Врачи помогут мне прийти в себя. Я буду далеко от своего дома, и это меня спасет. Напишите моему сыну Джорджу, если больше ничего обо мне не услышите. Прощайте, уничтожьте запись и не связывайтесь больше с этим делом.

Ваш Экли

Его письмо ужаснуло меня, и я погрузился в пучину отчаяния. Я не знал, как мне ему ответить, и написал нечто весьма несообразное, попробовав напоследок дать ему совет и приободрить. Письмо я отправил до востребования. Я умолял Экли немедленно перебраться в Брэттлборо и попросить защиты у городских властей, добавив, что сам приеду в город с пластинкой и постараюсь убедить полицию и суд в его полной виновности. Настало время предостеречь всех жителей от страшных тварей, пока они еще не перешли к нападению. Нетрудно заметить, что я тоже был крайне взволнован и верил каждому слову Экли. Правда, у меня мелькнула мысль, что если он не сумел сфотографировать мертвое чудовище, то виной тому не какой-то каприз природы, а его нервное возбуждение.

V

Возможно, мое сбивчивое письмо еще не успело дойти до Экли, когда 8 сентября, в субботний полдень, я получил от него очередное послание. Оно было совсем не похоже на прежнее и поразило меня своим спокойным тоном. К тому же письмо оказалось отпечатано на новой машинке. Да, в этом странном письме чувствовалась уверенность в своих силах, вдобавок Экли приглашал меня приехать. Казалось, что ночной кошмар на дальних холмах внезапно подошел к концу и содержание страшной драмы мгновенно изменилось. Я вновь вынужден процитировать его по памяти и по возможности полно воспроизвести его особый дух и стиль. На нем стояли штемпель Беллоус-Фоллис и подпись от руки, поскольку письмо, как я уже говорил, было напечатано довольно неумело, что весьма характерно для начинающих. Однако текст отличался предельной аккуратностью, и я подумал, что Экли когда-то, возможно в колледже, уже печатал на машинке. Сказать, что, прочитав его, я испытал облегчение, было бы не совсем точно. Конечно, на душе у меня стало гораздо спокойнее, но к этому спокойствию примешивалось ощущение чего-то нереального, почти призрачного. Если Экли был нормален, испытывая столь небывалый страх, то здоров ли он, избавившись от него? И его «отчет о выздоровлении» – что он означал на самом деле? Ведь умонастроение Экли сделалось не просто иным, а диаметрально противоположным! Но вот вам точный текст, и я могу гордиться своей памятью, сохранившей его до последней строчки.

Тауниенд, Вермонт, пятница, 6 сентября 1928 г.

Мой дорогой Уилмарт!

Мне доставляет огромное удовольствие откровенно высказаться по поводу всех «глупостей», о которых я Вам писал. Я говорю «глупостей», хотя имею в виду скорее мое паническое настроение, а не описание самих явлений. Они, эти явления, вполне реальны и достаточно важны, ошибка заключается лишь в моем ненормальном отношении к ним.

Думаю, я уже упоминал, что мои странные посетители начали общаться со мной, и рассказывал об этих попытках. Прошлой ночью мы разговаривали. В ответ на их сигналы я пригласил к себе их посланника. Могу сказать, что это был человек. Он поведал мне массу нового, о чем ни Вы, ни я даже не подозревали, и наглядно доказал, что мы совершенно неверно оценивали их действия и не понимали, с какой целью Крылатые прибыли на Землю, основав здесь свою тайную колонию.

Возможно, что все злоеище легенды о том, что они предлагали людям и чего желали добиться на нашей планете, возникли в результате человеческого невежества и непонимания особенностей их аллегорической речи. Конечно, их культурные обычаи и характер мышления резко отличаются от всех наших представлений. Должен откровенно признаться, что я недалеко ушел в своих догадках от неграмотных фермеров и диких индейцев. То, что я считал чудовищным, постыдным и кощунственным, на самом деле оказалось расширяющим границы сознания и даже величественным, а мое прежнее отношение было типичным для большинства людей, ненавидящих и боящихся всего принципиально иного, не похожего на наше, привычное. Теперь я сожалею о том, что причинил ущерб одиноким на Земле и недоверчивым существам во время наших ночных баталий. Если бы у меня тогда появилась возможность мирно и разумно побеседовать с ними! Но они не держат на меня зла, их эмоции совсем не похожи на наши. Им не повезло, что

они нашли себе в Вермонте негодных агентов, например таких недостойных людей, как покойный Уолтер Браун. Он-то и настроил меня против них. Они никогда не нападали на людей и никому не вредили, но часто роковым образом ошибались и окружали себя шпионами из числа местных жителей. У них существует настоящий культ злых людей (человек с вашими знаниями поймет меня, если я свяжу этот культ с Хастуром и Желтым знаком). Его цель – убрать их со своего пути и наказать с помощью чудовищных сил из иных миров. Так они расправляются с агрессорами, но не с обычными людьми, и жертвами предосторожности Крылатых становятся лишь эти соглядатаи. Мне удалось узнать, что наши пропавшие письма похитили отнюдь не Крылатые, а, если так можно выразиться, эмиссары зловещего культа.

Пришельцы хотят от людей только мира, невмешательства в их жизнь и увеличения духовных связей. Последнее теперь абсолютно необходимо, поскольку земные открытия и изобретения расширили наши познания и отныне Крылатым с каждым днем все труднее существовать на этой планете. Пришельцы хотели бы полнее узнать человечество и отобрать нескольких философов и ученых для знакомства с их цивилизацией. Такой обмен знаниями уничтожит все имеющиеся преграды и страхи, и в результате восторгается *modus vivendi*, который сможет удовлетворить обе стороны. Сама мысль о попытках порабощения или духовного разложения человечества чудовищна и нелепа.

Неудивительно, что Крылатые выбрали меня для установления этих связей, – как-никак, я успел уже немало узнать о них и могу быть на Земле истолкователем их намерений. Они обо многом говорили со мной прошлой ночью, и факты способны потрясти воображение своим масштабом и широтой охвата. А мне еще предстоит столько узнать в процессе непосредственного общения и переписки с ними! Пока они не звали меня с собой в путешествие на иные планеты, хотя позднее я сам, наверное, захочу с ними отправиться, воспользовавшись и своими познаниями, и всем опытом, накопленным человечеством. Они больше не будут осаждать мой дом. Все вернулось к норме, и теперь собакам не придется меня защищать. Я прошел здесь через страшные испытания, но взамен узнал массу нового, и мой интеллектуальный багаж сравним лишь с изведанным немногими смертными.

Наверное, Крылатые – самые восхитительные органические существа во Вселенной или в сферах вне времени и пространства, члены огромной космической расы, в сравнении с которой все иные жизненные формы всего лишь неполноценные варианты. Они ближе к растительным, чем к животным видам, если подобные термины вообще применимы к их органической структуре, отдаленно напоминающей грибы; впрочем, их состав, в известной мере сходный с хлорофиллом, и единственная в своем роде пищеварительная система существенно отличаются от свойственной настоящим грибам. Они состоят из форм, совершенно чуждых нашей части пространства, и их электроны вибрируют совсем иначе. Вот почему их невозможно заснять обычным фотоаппаратом, хотя мы можем их видеть, и зрение нас не обманывает. Полагаю, что, набравшись знаний, любой хороший химик смог бы изобрести раствор для фотографий, проявляющий их изображения.

Это племя Крылатых способно полностью сохранять свою субстанцию, перемещаясь в безвоздушном и лишенном жара межзвездном пространстве, а иные пришельцы могут путешествовать лишь с помощью механических приспособлений и благодаря любопытнейшим хирургическим операциям. Только у немногих из них есть крылья, сопротивляющиеся воздействию эфира, и вермонтские пришельцы как раз относятся к этому подвиду. Они не случайно обосновались на заброшенных горных кряжах Старого Мира, но и тут я должен уточнить ряд подробностей. Их внешнее сходство с жизнью животных и со структурой, которую мы считаем материальной, свидетельствует о параллельной эволюции, а не о близком родстве. Их интеллектуальные возможности превышают любые известные нам жизненные формы, хотя должен сказать, что крылатое племя с наших гор, несомненно, самое развитое. Телепатия – их обычный способ общения, но у них имеются и рудиментарные вокальные органы, которые после несложной операции (операции у них широко практикуются и считаются чем-то повседневным и обязательным) могут дублировать речь всех говорящих организмов.

Они обитают на еще не открытой и почти лишенной света планете на самом краю нашей Солнечной системы – за Нептуном и на расстоянии девяти других планет от Солнца. Это, так сказать, их родной дом. Как мы и предполагали, планета в мистически зашифрованном виде упоминалась в древних и потаенных рукописях. Там она называлась Югготом. Вскоре к ней проявят интерес в нашем мире и начнут размышлять о ее происхождении, надеясь установить с ней духовную связь. Меня не удивит, если астрономы ощутят сигналы мысли и откроют Юггот, когда Крылатые позволят им это сделать. Но Юггот – это только форпост всего племени. Оно расселилось на разных планетах и звездах, о которых мы не имеем никакого представления и даже вряд ли способны их себе вообразить. Единица времени и пространства является для них олицетворением космического единства, но на самом деле она не более чем атом в принадлежащей им бесконечности. Человеческое сознание не в силах охватить эту бесконечность, о чем я могу судить по себе, и за все время существования людского рода о ней догадывались, возможно, человек пятьдесят или чуть меньше.

Наверное, на первых порах Вы, Уилмарт, сочтете мои рассуждения бредовыми, но со временем сумеете оценить поистине титанические возможности, открывшиеся перед нами. Я хотел бы поделиться с Вами множеством фактов и должен сообщить немало интереснейших подробностей, но они не для письма. В прошлом я предостерегал Вас от поездки ко мне. Теперь опасность миновала, и я с удовольствием отказываюсь от своих слов и приглашаю Вас к себе.

Не могли бы Вы приехать сюда до начала занятий в колледже? Наша встреча доставила бы мне истинное удовольствие. Возьмите с собой пластинку и все мои письма, потому что мне надо посоветоваться и уточнить ряд деталей. Они понадобятся мне, чтобы воссоздать всю историю. Привезите и фотографии, потому что я от волнения, кажется, перепутал негативы. Вы не представляете, что я собираюсь поведать Вам в дополнение к изложенному здесь и какие колоссальные планы рождаются у меня!

Приезжайте не раздумывая. За мной больше никто не следит, и дома у меня мир и тишина. Отправляйтесь в путь, а я подъеду на станцию в Брэттлборо и встречу Вас там. Погостите у меня подольше, вернее, сколько сможете. Я предвкушаю интереснейшие споры по вечерам о тайнах Вселенной и беспомощности наших догадок. Только, конечно, никому не говорите об этом, непосвященные ничего не должны знать.

Железнодорожное сообщение с Брэттлборо неплохо налажено, и Вы можете ознакомиться с расписанием в Бостоне. Садитесь в поезд до Гринфилда, а потом сделайте пересадку. Я предлагаю Вам выехать из Бостона в весьма удобное время – десять минут пятого утра. Поезд прибывает в Гринфилд в 7:35, а в 9:19 Вы пересядете в другой, который остановится в Брэттлборо в 10:01 вечера. Выберите подходящий день недели и дайте мне знать, а я подъеду на станцию и встречу Вас.

Простите за это отпечатанное письмо, но, как Вы знаете, у меня начали дрожать руки, и я просто не в силах долго писать. Вчера я приобрел в Брэттлборо эту машинку «Корона», и, кажется, она хорошо работает.

Жду от Вас ответа и надеюсь увидаться с Вами в самом скором времени. Привезите с собой пластинку, все мои письма и фотографии.

Искренне Ваш.

С нетерпением жду приезда.

Генри У. Экли

Алберту Н. Уилмарту, эсквайру,

Мискатоникский университет,

Аркхем, Массачусетс

Противоречивость моих эмоций после прочтения, перечитывания и тщательного анализа этого странного и непредсказуемого письма не поддается описанию. Я уже сказал, что одновременно почувствовал облегчение и неуверенность, но это слишком грубое определение, исключаящее нюансы и подсознательные ощущения, связанные как с облегчением, так и с неуверенностью. Начну с того, что письмо настолько противоречило предшествующей веренице ужасов, что изменение сознания Экли – от гнетущего к умиротворенному спокойствию и даже воодушевлению – казалось невероятным в своей стремительности и бесповоротности! Я с трудом мог поверить, что за день психологическая перспектива человека, написавшего мне еще в среду отчаянное послание, стала совершенно иной, пусть даже ночью он испытал какое-то необычайное облегчение, но не до такой же степени! Иногда, чувствуя ирреальность игравшейся драмы, я задавал себе вопрос, уж не померещились ли мне все эти фантазмагорические силы, но потом думал о записи на фонографе, и это совсем сбивало меня с толку.

Я мог ожидать от Экли чего угодно, но не такого письма! Проанализировав свои впечатления, я определил в них две фазы. Первая – если считать, что Экли был и остался в здравом уме и твердой памяти, то происшедшие изменения были необъяснимы. Вторая – никто не назвал бы нормальными или предсказуемыми изменения в стиле Экли, его умонастроении и языке. Казалось, коварные мутации уже затронули глубинные основы его личности и их воздействие было столь очевидным, что эти фазы никак не соединялись. Одна исключала другую, наглядно демонстрируя отклонение от нормы. Выбор слов, орфография – все сделалось не таким, как раньше. Я с профессиональной чуткостью к стилю проследил различия и понял, что лишь мощнейшая эмоциональная встряска могла вызвать столь радикальный поворот. Однако в ряде отношений письмо было вполне типичным для Экли. Та же старая страсть к бесконечному, та же пытливость ученого. Я ни минуты не верил в подделку или хитроумную замену письма. В этом случае он не стал бы меня приглашать, чтобы я сам убедился в правдивости его рассказа.

Я не поехал в субботу вечером, продолжая обдумывать содержание письма. В его подоплеке угадывалась борьба светлых и темных сил. Я уже устал от быстрой смены чудовищных предположений, возникавших в моем сознании в последние четыре месяца, и размышлял над новыми, потрясшими меня фактами медленнее обычного. Сомнения чередовались с готовностью поверить Экли, но так бывало и прежде, когда он сообщал мне о чудесах. Однако с недавних пор любопытство начало вытеснять тревогу и замешательство. Неважно, был Экли безумен или нормален, произошла ли с ним настоящая метаморфоза или он просто успокоился, – главным было то, что в своих увлекательнейших исследованиях он сменил перспективу. Его страхи – не будем гадать, реальные или мнимые – сразу уменьшились, а все внимание переключилось на открывшиеся перед ним космические бездны и недоступные людям знания. Я тоже стремился к неведомому, и потому наши пламенные мечты совпадали. Когда Экли удалось разрушить чудовищный барьер между мирами, я почувствовал неподдельное волнение. Уничтожить дурацкие, надоевшие границы времени и пространства, отбросить, как ненужный хлам, законы природы, ощутить связь с бескрайними просторами, приблизиться к тайнам бесконечности – да, для этого стоило рискнуть жизнью, подвергнуть испытанию разум и душу! И Экли уверял меня, что угрозы больше нет, а иначе он не стал бы приглашать меня, после того как я столь долго отказывался к нему ехать. Я подумал о том, что он может мне поведать, и оцепенел, представив себе, как сижу в уединенном доме и слушаю человека, накануне беседовавшего с инопланетянами, а на столе, рядом с нами, – пластинка и грудa писем, в которых он делился со мной своими наблюдениями.

Итак, в воскресенье утром я отправил Экли телеграмму. В ней говорилось, что мы можем встретиться в Брэттлборо в следующую среду – 12 сентября, если его устроит эта дата. Однако расписание, которое он предложил мне, я решительно отверг. Признаюсь честно, мне не хотелось приезжать в глухой вермонтский край поздно вечером. Я позвонил на станцию и заказал билет на другой час. Мне предстояло встать пораньше и сесть в поезд, отправлявшийся из Бостона в 8:07 утра. В таком случае в 9:25 я должен был прибыть в Гринфилд, подождать на вокзале и в 12:22 пересесть на поезд, идущий в Брэттлборо. Я буду там в 1:08 дня, а это удобнее, чем 10:01 вечера. Экли встретит меня, и я без страха поеду с ним по пустынным и таинственным дорогам. Я указал в телеграмме выбранное время и обрадовался, получив от него в тот же вечер ответ:

*Время устраивает встречу поезд 1:08 среду не забудьте запись письма
фотографии надеюсь благополучный приезд ждут великие открытия.
Экли*

Одно то, что обмен телеграммами состоялся в течение дня и мою телеграмму ему то ли доставили в Тауншенд, то ли прочли по телефону, воодушевило меня и окончательно уничтожило все сомнения. Я вздохнул спокойно и почувствовал, что с моих плеч упала тяжелая ноша. Ведь подозрения месяцами никуда не исчезали, а таились в глубине моей души. В ту ночь я спал долго и крепко и с утра принялся за сборы, хотя в запасе у меня оставалось еще два дня.

VI

В среду я отправился к Экли, взяв с собой чемодан с необходимыми вещами и блокнотом, в котором были помечены даты получения страшной записи на фонографе, фотографий и чуть ли не всех писем. Я сдержал обещание и никому не сказал, куда еду. Мне и самому было ясно, что в наши дела нельзя посвящать посторонних, даже если все закончится благополучно. Мысль о духовном контакте с пришельцами из иных миров ошеломяла, и я, несмотря на длительную интеллектуальную тренировку и даже известную подготовленность, чувствовал себя глупцом. Что же в подобном случае могли испытывать остальные, несведущие люди? Не знаю, что преобладало во мне – страх или жажда небывалых впечатлений, когда я пересел из бостонского поезда и отправился на запад, глядя, как знакомый пейзаж сменяется почти неизвестным: Уэлтхем – Конкорд – Эйер – Фитсбург – Гарднер – Этол.

Поезд прибыл в Гринфилд с семиминутным опозданием, но северный экспресс еще стоял. Я торопливо вбежал в вагон, и у меня перехватило дух при виде машин, освещенных ярким полуденным солнцем. Все они отправлялись в край, о котором я много читал, но где никогда прежде не был. Я знал, что скоро окажусь в старомодной, более примитивной и живущей по своим законам Новой Англии, не похожей на индустриальные прибрежные южные регионы с их современными городами. В них прошла вся моя жизнь, и вот теперь я проезжаю по не испорченному цивилизацией, патриархальным графствам Новой Англии, где нет иностранцев, не дымят фабричные трубы, не бросается в глаза яркая реклама. По Новой Англии без бетонных дорог, даже в самых новых округах. Странно было наблюдать за этой мирной и тихой жизнью, столь типичной для штата, и сознавать, что она связана вечными корнями с лесами и холмами и хранит память о предках, как бы удобряющую ее почву старинными верованиями, о которых не принято упоминать.

Я видел, как сияли под солнцем синие воды реки Коннектикут – мы пересекли ее, миновав Нортфилд. Впереди маячили зеленые таинственные холмы, и, когда в вагон вошел проводник, я понял, что наконец добрался до Вермонта. Он попросил меня перевести часы на час назад, объяснив, что в северном холмистом штате другое времяисчисление и они не согласны с новыми порядками. Когда я это сделал, у меня возникло ощущение, будто я очутился в прошлом веке.

Поезд шел вдоль реки и незаметно въехал в Нью-Хэмпшир. Я догадался об этом, заметив крутой склон Уантастикуайт, о котором сложено столько старых легенд. Улицы тянулись по левую сторону, а справа я увидел зеленый остров, омываемый речным потоком. Пассажиры поднялись с мест и двинулись к двери. Я последовал за ними. Поезд остановился, и я спустился на продолговатую платформу железнодорожной станции в Брэттлборо.

Оглядевшись по сторонам, я увидел несколько машин и стал гадать, в какой из них приехал Экли. Он говорил мне, что у него «форд», но не успел я присмотреться, как кто-то направился ко мне навстречу. Это был явно не Экли. Человек подал мне руку и звучным голосом осведомился, не я ли мистер Алберт Н. Уилмарт из Аркхема. Он ничем не напоминал бордато сего Экли на снимках и показался мне довольно молодым, элегантно одетым, словом, типичным горожанином. Я обратил внимание на его короткие темные усы. В его хорошо поставленном голосе мне почудилось что-то знакомое и тревожное, хотя я не мог вспомнить, с чем было связано это непонятное ощущение. Пока я глядел на него, он объяснил, что является близким другом моего будущего хозяина и приехал из Тауншенда по его просьбе. Экли, сказал он, плохо себя чувствует, у него внезапно разыгралась астма, и он сейчас не в силах передвигаться. Однако болезнь не столь серьезна, и его планы отнюдь не изменились. Он будет рад моему визиту. Я не стал допытываться, известно ли что-нибудь мистеру Нойесу – так представлялся мне незнакомец – об исследованиях и открытиях Экли, однако мне показалось, что

они не слишком хорошо знают друг друга. Я помнил об отшельничестве Экли и его поистине круглом одиночестве. Поэтому меня удивило появление на вокзале его приятеля, но, пока я разбирался в нахлынувших на меня чувствах, Нойес завел мотор и пригласил меня в машину. Судя по описаниям Экли, у него был небольшой подержанный «форд», и я не ожидал, что доберусь до его дома в ультрасовременном продолговатом новеньком автомобиле. Очевидно, он принадлежал Нойесу и был куплен совсем недавно, ибо мне бросились в глаза массачусетский номер и висевший в кабине талисман этого города – «священная рыбка». Я предположил, что владелец машины летом отдыхал где-то недалеко от Тауншенда.

Нойес забрался в машину следом за мной, и мы сразу тронулись в путь. Я обрадовался, что он не стал занимать меня разговором. Во всей атмосфере чувствовалась напряженность, и мне хотелось помолчать. Озаренный лучами полуденного солнца город был очень живописен. Мы спустились со склона холма и двинулись вправо по центральной улице. Подобно другим старым городам Новой Англии, обычно запоминающимся с детства, он выглядел уснувшим. Его ансамбль островерхих крыш, печных труб и кирпичных стен невольно пробуждал забытые воспоминания, идущие из глубины души. Я мог бы сказать, что приблизился к воротам полузаколдованного царства, преодолев нерушимые законы времени, – царства, в котором могли существовать, расти и сохраняться старинные и причудливые явления.

Когда мы выехали из Брэттлборо, ощущение неестественности окружающего заметно усилилось. На всем лежала печать тайны, чего-то запретного. Возможно, это чувство подкрепляли высокие холмы, поросшие лесами, их крутые склоны и темные, пугающие гранитные скалы. Кто знает, какие секреты скрывались за вершинами этих холмов, что рождалось, умирало и вновь воскресало в чащах суровых лесов? Неизвестно даже, враждебны ли эти тайны людям. Дорога петляла, и порой мы оказывались рядом с широкой мелководной рекой, стекавшей с неведомых мне северных гор. Я вздрогнул, когда мой спутник сказал, что это Уэст-ривер. Ведь в ее разлившихся потоках после наводнения видели одну из этих крабообразных тварей, о чем я узнал из газетной статьи.

Постепенно окружающая нас местность становилась все глуше и пустыннее. Старинные мосты угрожающе нависали над безднами между холмов, вдоль реки тянулись заброшенные, поросшие травой железнодорожные пути, от которых веяло одиночеством и бесприютностью. Передо мной промелькнули свежие вырубki в долине, рядом с которой высились огромные утесы. Гранит Новой Англии поражал своим суровым серым цветом, особенно мрачным на фоне озаренных солнцем вершин. В оврагах струились ручьи, стекавшие к реке. Казалось, что они стремятся поведать ей тайны тысяч высоких, неприступных холмов. Узкие, почти нехоженные тропинки тоже сбегали вниз, в долину, то пересекаясь, то расходясь в стороны. Они были видны и на крутых склонах и терялись в чащах дремучих лесов. Я подумал, что за старыми разросшимися деревьями может спрятаться целая армия злых духов, и тут же вспомнил об Экли. Наверное, они следили за тем, как он ехал в город. Теперь меня уже не удивляли его страхи и предчувствия.

Меньше чем за час мы добрались до старого поселка Ньюфейн, это был последний «форпост цивилизации», связывавший нас с миром, который можно было смело назвать завоеванным и заселенным людьми. Миновав его, мы покинули привычную, зависящую от времени, осязаемую и рождающую непосредственный отклик среду и очутились в фантастическом призрачном царстве. Узкая, напоминающая ленту дорога вилась и петляла на крутых поворотах, то вздымаясь вверх, то резко спускаясь, словно повиновалась какой-то неведомой прихоти. Зеленые пики холмов и гор сменялись полузаброшенными долинами. Кроме звуков нашего мотора, мы слышали лишь глухой гул, доносившийся с отдаленных ферм, – они изредка попадались нам на пути. Да еще негромко журчали ручьи, стекавшие вниз из тенистых лесов.

У меня перехватило дыхание от близости низких округлых холмов, сменивших гряды высоких гор. Я даже не мог себе представить их неприступность и крутизну. Они не шли ни в

какое сравнение с привычным нам прозаическим городским пейзажем. Дремучие, непроходимые леса на их склонах усугубляли страх и одиночество, а сами эти склоны казались пришельцами из странной, давным-давно забытой эпохи или, быть может, письменами, оставленными в наследство племенем древних титанов, о котором уже никто не помнил. И лишь в глубоких грезах можно было узнать, что оно некогда царило на Земле. Все легенды прошлых веков и поразительные описания Экли ожили в моей памяти, невольно усилив атмосферу напряженности и нарастающей угрозы. Цель моего визита и пугающая ненормальность всей ситуации внезапно стали мне предельно ясны, и я с трудом удержался от мрачных размышлений.

Очевидно, Нойес заметил мое волнение, дорога начала обрываться, и мы уже не могли ехать на прежней скорости. Он принялся объяснять мне особенности здешних мест и старался держаться как можно любезнее. Повествуя о красоте и первозданной дикости края, о присутствующих его жителям предрассудках, он явно обнаружил знакомство с фольклорными изысканиями моего будущего хозяина. Из его подчеркнуто вежливых вопросов было понятно, что он знал о моих научных исследованиях и цели визита. Знал он и о том, что я везу с собой какие-то свидетельства, однако не стал об этом распространяться и ни словом не упомянул о чудовищных открытиях Экли.

Он вел себя на редкость дружелюбно, и весь его облик обычного горожанина должен был успокоить меня, а реплики и пояснения даже приободрить, однако я с каждой минутой чувствовал нарастающую тревогу. Она усугубилась, когда мы подъехали к гряде поросших лесом холмов, то и дело трясясь и подсакивая на поворотах. Порой мне чудилось, будто он испытывает меня и хочет выяснить, известны ли мне страшные тайны этого края. Стоило ему заговорить, как я ощущал, что мне знаком его голос, и само это чувство дразнило, мучило и не давало спокойно вздохнуть. Почему его хорошо поставленный звучный голос вызывал у меня какие-то зловещие ассоциации, связываясь с забытыми ночными кошмарами? Я ощущал, что сойду с ума, если узнаю его. Изобрети я какой-нибудь достойный предлог, то непременно прервал бы поездку. Но мне ничего не удалось придумать, и я решил, что неторопливое обсуждение научных проблем с Экли поможет мне развеять сомнения и прийти в себя.

Кроме того, космически красивый пейзаж действовал поистине завораживающе и, как ни странно, снимал напряжение, пока мы то карабкались в гору, то на всем ходу слетали вниз. Время исчезало в загадочных лабиринтах, и вокруг нас вырастали сказочные волны цветов и оживало великолепие минувших столетий – седые рощи, мирные пастбища с яркими осенними цветами и пустые поля между коричнево-бурыми фермерскими угодьями, среди которых изредка высились огромные деревья, а за ними темнели отвесные скалы, пахнущие у подножия душистыми кустарниками и луговой травой. Даже солнце сияло здесь по-особому, как будто во всем регионе господствовало ожидание или скрытое возбуждение. Ничего подобного я прежде не видел, разве что на дальнем плане в картинах итальянских примитивистов. Подобные ландшафты встречались и на полотнах Содомы и Леонардо, но лишь как фон, простирающийся сквозь ренессансные аркады. Однако мы очутились в самом центре картины, и я обнаружил в ней то, о чем смутно помнил и тщетно искал всю жизнь.

Внезапно, обогнув округленный угол скалы, машина резко затормозила и остановилась. Слева от меня, за ухоженной лужайкой, выходящей на дорогу и отделенной от нее каменной оградой, стоял белый двухэтажный особняк с мансардой необычного размера. Он удивлял не свойственной глухому краю элегантностью. Рядом с ним располагались пристройки, или, точнее, соединенные арочными перекрытиями сараи и амбары, а справа, чуть в глубине, высилась мельница. Я сразу узнал особняк по снимкам и не удивился, заметив на железном почтовом ящике у ворот выбитое крупными буквами имя хозяина – Генри Экли. Поодаль от дома простирался участок заболоченной земли с немногочисленными деревьями, а прямо за ним поднималась ввысь крутая скала с лесистой чащей на гребне. Я понял, что это вершина Черной горы, посредине склона которой мы только что проехали.

Нойес вышел из машины и взял мой чемодан. Он попросил меня подождать, пока зайдет в дом и сообщит Экли о моем появлении, а также добавил, что у него срочные дела и он не сможет здесь остаться. Когда он стремительно двинулся по дорожке к особняку, я тоже выбрался из машины. Мне хотелось размять затекшие ноги и немного пройтись перед долгим разговором. Моя нервная напряженность вновь усилилась и дошла до предела, когда я оказался здесь, в двух шагах от осажденного дома, на авансцене страшных событий, столь красочно описанных Экли. Скажу честно, я боялся предстоящей беседы, способной еще теснее связать меня с этими чуждыми и таинственными мирами.

Контакт со всем странным и непривычным чаще пугает, чем воодушевляет, и я с горечью представил себе, как по этой пыльной дорожке еще недавно проходили чудовища, оставляя мерзкую зеленую слизь, обнаруженную после безлунных ночей с их холодящими кровь ужасами и смертями. И тут я обратил внимание на то, что поблизости не было ни одной из собак Экли. Неужели он продал их, как только с ним помирились Крылатые? Я попытался убедить себя, что они и правда миролюбивы и Экли не случайно так подробно рассказал мне об этом в своем последнем, не похожем на прежние письме. Однако в глубине души меня не покидали сомнения. В конце концов, продолжал рассуждать я, Экли – человек наивный и неискушенный, а его жизненный опыт отнюдь не богат. Кто знает, возможно, за их желанием установить контакт кроется какой-то непонятный и злобещий план?

Я попытался отвлечься от гнетущих мыслей и бросил взгляд на дорожку, хранившую столь страшные свидетельства. Последние несколько дней выдались сухими, и разные следы в беспорядке отпечатались на земле, хотя успели покрыться пылью и утратили четкость. Я решил пронаблюдать за ними просто так, из праздного любопытства, чтобы немного сосредоточиться и привести в порядок нахлынувшие на меня впечатления, а также побороть неумную фантазию, пробудившуюся от ужасных воспоминаний. В мертвой тишине было что-то злобещее, лишь вдали чуть слышно журчали ручьи да на вершинах холмов чернели деревья, заслонявшие узкий горизонт.

И тут смутные угрозы и туманные, фантастические образы окончательно выкристаллизовались в моем сознании. Я уже сказал, что принялся рассматривать беспорядочные следы на дорожке из праздного любопытства, но это любопытство мгновенно сменилось охватившим меня неподдельным страхом, и я застыл на месте. Пыльные следы были сбивчивы и неопределенны. Вряд ли они могли привлечь чье-либо внимание, но я отметил несколько странных подробностей рядом с широким пятном, где дорожка от дома соединялась с тропой, ведущей на холм. Я догадался, что они могут означать. У меня не оставалось никаких сомнений. Не оставалось больше и надежды. Не зря я столько времени, вооружившись лупой, изучал отпечатки когтей Крылатых на фотографиях, присланных Экли. Я слишком хорошо знал эти мерзкие следы, идущие в разных направлениях, что еще более усиливало ощущение ужаса, которое не могло произвести ни одно живое существо с нашей планеты. Нет, я не ошибся. Прямо перед моими глазами, и, судя по всем признакам, оставленные лишь несколько часов назад, красовались три отметины – богохульные отпечатки когтей чудовищ. Они вели как к ферме Экли, так и от нее, к дороге. Так вот они, адские следы живых «грибов» с Юггота!

Я собрался с силами и сдержал чуть не вырвавшийся из моей груди громкий крик. В конечном счете чего еще я мог здесь ожидать, если действительно поверил письмам Экли? Он говорил, что примирился с ними. А значит, нет ничего странного, если кто-то из них недавно побывал у него в доме. Но никакие доводы разума не могли побороть мой испуг. Да и кто бы сумел остаться равнодушным, впервые увидев отпечатки когтей неведомых существ из иных глубин пространства? Тут я заметил, что Нойес распахнул входную дверь и торопливо двинулся по дорожке. Мне нужно взять себя в руки, подумал я, ведь, похоже, этот близкий друг ничего не знает об ошеломляющих и сокровенных связях Экли с таинственными мирами.

Нойес на ходу сообщил мне, что Экли обрадовался моему приезду и готов со мной встретиться. Хотя внезапный приступ астмы, очевидно, лишит его возможности передвигаться еще день-другой и он не сможет принять меня, как рассчитывал несколько дней назад. Эти приступы бывают болезненны и буквально сковывают его по рукам и ногам, да к тому же сопровождаются лихорадкой и общей слабостью. В это время ему тяжело говорить, и он обычно шепчет, а его движения становятся затрудненными и неуклюжими. У него распухают ступни и лодыжки, и он забинтовывает их, словно больной артритом после лишней порции мяса. Сегодня его состояние оставляет желать лучшего, и потому я буду предоставлен самому себе, однако он с удовольствием со мной побеседует. Я смогу найти его в кабинете, где опущены шторы. Это слева от холла, по коридору. Он не выносит солнечного света, когда болеет, у него очень чувствительные глаза.

Нойес распрощался со мной, сел в машину и поехал в северном направлении, а я медленно побрел к дому. Он специально оставил дверь открытой, но перед тем как войти, я окинул взглядом лужайку, пристройки, да и все вокруг, стараясь определить, что же так поразило меня на ферме Экли. Сарай и амбары были самыми обычными, и в одном из них я заметил подержанный «форд» Экли, стоявший в глубине. И тут до меня дошло, в чем странность этого места. Ничто не нарушало тишины. Обычно на фермах отовсюду доносятся звуки – разная живность то и дело заявляет о себе, но здесь как будто исчезли все признаки жизни. Куда делись куры и собаки? Где коровы, ведь Экли писал мне, что держит на ферме нескольких. Может быть, они сейчас на пастбище, а собак он, наверное, продал, но что стало с другими животными и птицами?

Я решил больше не задерживаться, переступил порог и закрыл за собой дверь. Это далось мне не без душевных усилий, потому что я сразу понял – путь к отступлению отрезан и отныне я пленник Экли. Не то чтобы особняк выглядел каким-то мрачным и угрюмым, напротив, его холл был с завидным вкусом обставлен в позднеколониальном стиле. Да и вся мебель свидетельствовала о благородном происхождении хозяина. Нет, мысль о побеге возникла у меня от неопределенного, смутного ощущения. Возможно, на меня подействовал странный запах, хотя мне следовало бы знать, что в старых фермерских домах, даже самых лучших, часто пахнет чем-то затхлым.

VII

Но я не позволил этим неясным признакам поработить мое сознание. Вспомнив указания Нойеса, я открыл белую дверь с медной ручкой слева по коридору. Я уже знал, что в комнате темно, и, сделав несколько шагов, ощутил все тот же запах. Правда, здесь он был гораздо сильнее. Наверное, он возник от непонятного раскачивания или вибрации в воздухе. Какой-то момент я ничего не мог разглядеть из-за опущенных штор, но затем мое внимание привлек кашель или сиплый шепот, и я увидел в дальнем темном углу большое кресло-качалку. Из тени проступили белые пятна, и я догадался, что это человеческое лицо и руки. Я тут же двинулся туда и поздоровался с желавшим ответить мне человеком. Несмотря на полутьму, я узнал хозяина дома. Недаром я так внимательно рассматривал фотографии и просто не мог ошибиться, увидев волевое, обветренное лицо, обрамленное аккуратно подстриженной седой бородкой.

Но, приглядевшись попристальнее, я испытал горечь и тревогу: Экли действительно был очень болен. Возможно, его мучила не только астма, уж больно напряженным и застывшим было его тело, а глаза смотрели на меня не мигая, словно стеклянные. Я понял, что переживания стоили ему полной потери сил. Да разве случившегося было недостаточно, чтобы сломить и более молодого человека, чем этот бесстрашный исследователь тайных и запретных миров? Боюсь, что странное и внезапное освобождение пришло слишком поздно и не спасло его от нервного срыва. Его худые руки безжизненно покоились на коленях, и я с грустью поглядел на них. Он был укутан в просторный халат, а его шею и затылок закрывал то ли желтый шарф, то ли капюшон.

И тут я вновь услышал сиплый шепот и понял, что он пытается заговорить со мной. Сначала я не мог разобрать ни слова – седые усы нависали над губой, и я не улавливал движения его губ. Тембр голоса Экли отчего-то насторожил меня, но я сосредоточился, не отрываясь смотрел на него, и вскоре все сказанное им стало мне ясно. Мне показалось, что у него довольно сильный местный, «крестьянский», акцент, но каждую фразу он строил не просто правильно, а даже изысканно, о чем трудно было догадаться по письмам.

– Я полагаю, вы мистер Уилмарт? Прошу меня извинить, но я не в силах подняться. Я разболелся, мистер Нойес, должно быть, уже сказал вам об этом; но все равно я очень рад вас видеть. Вам известно, что я написал в последнем письме, – нам нужно о стольком поговорить завтра, когда я себя лучше почувствую. Не могу даже передать, как я счастлив, что вы приехали. Наконец-то я вас вижу после нескольких месяцев переписки. Вы, конечно, привезли с собой все письма? И фотографии, и пластинку? Нойес оставил ваш чемодан в холле – полагаю, вы его там уже видели. Боюсь, что сегодня от меня мало толку, и вам придется побыть одному. Ваша комната наверху – прямо над моим кабинетом, ванная – рядом с лестницей, вы ее сразу заметите, в ней открыта дверь. Обед ждет вас в столовой, она здесь, на первом этаже, справа от кабинета. Вы можете перекусить когда только захотите. Завтра я приду в себя, но сегодня я слаб и совершенно беспомощен.

Чувствуйте себя как дома. Почему бы вам, перед тем как пойти наверх, не достать письма, фотографии и запись? Положите их сюда, на стол. Потом мы все обсудим. Видите мой фонограф в углу?

Нет, благодарю, мне ничего не нужно. Астма у меня не первый день. Может быть, мы еще немного потолкуем вечером, перед тем как вы ляжете спать. Наверное, я останусь здесь. В последнее время я часто ночую в кабинете и уже привык к этому. Надеюсь, утром у меня прибавится сил. Вы, конечно, понимаете, какие горизонты открылись перед нами. Теперь нам доступны бездны времени, пространства, а наши знания опередили достижения всех земных наук и философии.

Вам известно, что Эйнштейн ошибся. В мире есть объекты и силы, способные передвигаться быстрее скорости света. Я рассчитываю, что мне помогут переместиться в прошлое и будущее, увидеть своими глазами, какой была Земля тысячу лет назад и какой станет в грядущие века. И не только увидеть, но и ощутить. Вы не представляете, как развита наука у инопланетян и какого совершенства они достигли. Они могут делать с разумом и телами живых существ абсолютно все. Я собираюсь посетить иные планеты, побывать на других звездах и даже в иных галактиках. Но сначала я полечу на Юггот, это ближайшая планета от Земли, населенная Крылатыми. Юггот – единственная темная сфера, на самом краю нашей Солнечной системы. Она до сих пор неизвестна нашим астрономам. Но я, должно быть, уже писал вам об этом. Знаете, в настоящее время Крылатые направляют на нас потоки своих мыслей. Они ждут, когда мы их уловим, и, возможно, кто-то из их агентов сумеет намекнуть ученым.

На Югготе множество городов – огромные башни с террасами стоят рядами и громоздятся одна на другую. Эти башни выстроены из черного камня. Да, да, того самого, образчик которого я хотел вам отправить. Солнце светит на Югготе не ярче звезд, но Крылатым и не нужен свет. У них совсем иные, более тонкие чувства, и в своих огромных домах и храмах они обходятся без окон. Свет даже мешает им и постоянно беспокоит на Земле, ведь его нет в черном космосе вне времени и пространства, откуда они прибыли к нам. Любой слабый человек сошел бы с ума, попав на Юггот, однако я намерен туда полететь. На их планете под таинственными циклопическими мостами текут черные реки из дегтя, эти мосты некогда выстроило древнее племя, оно исчезло и было совершенно забыто, когда Крылатые оказались на Югготе, прилетев туда из каких-то бездонных пустот. Одних этих мостов хватит, чтобы превратить каждого человека в Данте или Эдгара По, если после всего увиденного на планете он не повредится в рассудке.

Но запомните – их темный мир, с садами грибов и домами без окон, совсем не страшен. Он может показаться таким только нам, землянам. Однако ведь и наш мир был способен испугать пришельцев, когда они впервые попали в него в ранние эры, на заре цивилизации. Вы знаете, они обосновались здесь много тысячелетий тому назад; в ту баснословную пору на Земле еще царил великий Ктулху. Они помнят, как погрузился на дно Р'лайх, и видели его на поверхности. Крылатые проникли и в глубь Земли, в ней есть трещины и коридоры, неведомые людям. Несколько входов в их укрытия расположены здесь, в горах Вермонта. Они ведут в великие миры с незнакомой нам жизнью, в озаренный синим светом К'и'ян, красный Йет и черный Н'кай, где нет никакого света. Оттуда, из Н'кай, поднялся на поверхность страшный Тзаттогуа. Вы, наверное, слышали об этом древнем рыхлом, похожем на жабу божестве. О нем упоминалось в Пнакотических рукописях, в «Некрономиконе» и в Коммориомском мифическом цикле, сохраненном верховным жрецом Атлантиды Кларкаш-Тоном.

Однако мы еще успеем об этом побеседовать. Сейчас, должно быть, уже четыре часа или даже пять. Распакуйте чемодан, достаньте документы, немного передохните и возвращайтесь сюда, мы еще поговорим...

Я безропотно повиновался хозяину дома, принес чемодан, открыл его, достал документы, а затем поднялся в свою спальню. Я по-прежнему думал о свежих отпечатках ногтей на дороге. От них и сиплого шепота Экли мне сделалось не по себе. Да еще намеки на близость к неизвестному миру, к таинственному Югготу и его мудрым обитателям, похожим на огромные грибы. Немудрено, что после монолога Экли по коже у меня поползли мурашки и я с трудом поборол страх. Мне было очень жаль разболевшегося Экли, но его сиплый шепот вызвал у меня неприязнь, граничившую с отвращением. Почему он с таким восторгом говорил о Югготе и его темных тайнах?

Моя комната оказалась очень уютной и со вкусом обставленной, в ней не было ни вибрации, ни затхлого запаха, и, оставив там чемодан, я вновь спустился, чтобы поблагодарить Экли за гостеприимство и перекусить в столовой. Она располагалась прямо за его кабинетом. Я

заметил, что и кухня тоже находится по эту сторону коридора. На столе стояло большое блюдо с сэндвичами, пирогами и сыром, явно ждавшими, когда я с ними расправлюсь, а чашка и термос свидетельствовали о том, что хозяин не забыл о кофе для гостя. С удовольствием закусив, я налил в чашку кофе, но тут же ощутил горечь во рту и понял, что кулинарные изыски Экли, конечно, достойны уважения, но один изъяз способен все испортить. У кофе был едкий привкус, и я не смог выпить больше глотка. Я подумал об Экли, одиноко сидевшем в огромном кресле-качалке в темной комнате рядом со столовой. Я вернулся к нему и предложил перекусить вместе со мной, но он прошептал, что сейчас ничего не может есть. Позднее, перед сном, он выпьет немного молока с солодом, вот и весь его рацион за день.

Я попросил у него разрешения самому вымыть и убрать посуду – мне хотелось вылить кофе, вкус которого я не сумел оценить. Снова очутившись в темном кабинете, я устроился в кресле неподалеку от моего хозяина и приготовился к обстоятельному разговору, который ему не терпелось со мной завести. Письма, фотографии и пластинка по-прежнему лежали на столе, и мы к ним еще не притрагивались. На какое-то время я забыл о неприятном запахе и вибрации.

Я уже говорил, что в письмах Экли, особенно во втором, самом длинном и содержательном, имелись отрывки, которые я не осмелился бы процитировать или воспроизвести на бумаге. Мои колебания усилились после того, как он шепотом поведал мне тайны мироздания. Темная комната фермерского особняка, затерявшегося среди пустынных холмов, лишь усугубляла ощущение непередаваемого космического ужаса. Ему и прежде было известно немало чудовищного, но теперь, пообщавшись с Крылатыми, он узнал вещи поистине невыносимые для нормальной, земной психики. Я до сих пор отказываюсь верить его рассказам о бесконечности и ее структуре, о том, как располагаются измерения, и пугающем положении нашего космоса со временем и пространством в бесконечной цепи связанных между собой космосов-атомов, в сумме составляющих сверхкосмос с его изгибами, углами и материальной и полуматериальной электронной организацией. Еще никогда нормальный человек не оказывался в такой близости от тайн бытия, никогда органический мозг не был на грани полного уничтожения и растворения в хаосе, где гибнут все формы, силы и симметрия. Я узнал, когда впервые появился Ктулху и почему свет великих и давно погасших звезд по-прежнему доходит до нас. Из намеков, от которых оробел даже сам информатор, я догадался о тайне, скрытой за Магеллановыми Облаками, о галактической туманности, состоящей из глобул, и о черной истине, таящейся за покровом бессмертной аллегии Дао. Природа Доулс стала мне совершенно ясна, и он сообщил мне о сути (но не о происхождении) Гончих Псов Тиндалоса. Легенда о Йиге, прародителе змей, больше не казалась мне вымыслом, и я испытал отвращение, когда речь зашла о ядерном хаосе, бушующем за углами пространства (автор «Некрономикона» зашифровал его, назвав Азатотом). Все кошмарные видения потаенных мифов словно воочию предстали передо мной, и на время я просто онемел от шока, а их омерзительное по грубости содержание сделалось еще страшнее от ссылок на труды древних и средневековых мистиков. Я невольно поверил в то, что сказители, шепотом передававшие эти проклятые предания из уст в уста, подобно Экли общались с Крылатыми и, возможно, бывали на других планетах, которые он тоже намерен посетить в ближайшем будущем.

Он рассказал мне о черном камне и его сокровенном смысле, и я от души порадовался, что так и не получил его. Мои догадки относительно полустертых надписей оказались верны! Быть может, даже слишком верны! Однако Экли решил примириться со всей дьявольской системой и, кажется, забыл о своих недавних подозрениях и страхах. Да что там, он не только примирился, но и начал готовиться к путешествию в глубь этой жуткой Вселенной. Интересно, с кем из них он успел пообщаться, отправив мне последнее письмо, и много ли было среди них людей вроде того агента, о котором он мне упомянул, подумал я. От напряжения у меня раз-

болелась голова, и я изобретал нелепейшие теории относительно резкого, назойливого запаха и вибрации в темной комнате. К вечеру она стала гораздо сильнее.

За окнами уже совсем стемнело, надвигалась ночь; я вспомнил, что писал Экли о безлунных ночах, и вздрогнул. А вдруг и сегодня луна не взойдет на небе? Не нравилось мне и то, что ферма находилась в болотистой низине, прямо у подножия громадного лесистого склона, ведущего к Черной горе с ее неприступной вершиной. С позволения Экли я зажег небольшую масляную лампу, низко повернул ее и поставил на дальнюю полку, рядом с бюстом Мильтона, похожим на призрак. Вскоре я пожалел об этом – от тусклого света неподвижное лицо моего хозяина и его одеревеневшие руки сделались еще безжизненнее. Он напоминал труп. Казалось, он не в силах пошевелиться, хотя я сам видел, как он однажды с трудом кивнул головой.

После его обстоятельных рассказов я плохо представлял себе, о чем он станет говорить завтра и какие секреты предпочел сохранить для следующей беседы. Однако Экли решил сразу удовлетворить мое любопытство и сообщил, что обсудит со мной свой полет на Юггот и далее и к тому же выяснит, соглашусь ли я участвовать в этом путешествии. Должно быть, его изумило, с какой оторопью я взглянул на него, услышав, что меня хотят взять в космический полет. Его голова сердито затряслась. Потом он очень мягко и любезно принялся уговаривать меня и заметил, что люди могут сопровождать – и неоднократно сопровождали – Крылатых в подобных, кажущихся невероятными путешествиях по межзвездным просторам. При этом их тела оставались на Земле. Дело в том, что поразительные открытия в биологии, химии, механике и хирургии позволили инопланетянам удалять человеческий мозг без всякого ущерба для организма.

Люди не умирали, и их тела продолжали функционировать, пока мозг находился в космосе. Перед отправкой его помещали в плотно сжатый эфиром цилиндр из металла, добытого на Югготе. В этот цилиндр наливали жидкий раствор, подключали к мозгу электроды и соединяли с аппаратами, способными дублировать зрение, слух и речь. Для грибовидных Крылатых не составляло труда подняться в небо с этими цилиндрами. А на любой планете с их уровнем цивилизации уже давно существовало множество аналогичных аппаратов, способных устанавливать связь с конденсированным мозгом. После состыковки с ними странствующий разум вновь обретал способность выражать свои мысли, ведь во время путешествия по космическому континууму его постоянно подпитывали запасы энергии. Мозг не нуждался в телесной оболочке, и новая его вполне устраивала. Экли привел простейшее сравнение, сказав, что если у нас есть фонограф, мы включаем его и ставим пластинку, делая это автоматически. Для инопланетян не существует технических трудностей. Их успехи несомненны. Экли говорил о них с восхищением и без тени страха. Разве за одним удачным полетом не следовали все новые и новые?

Он впервые поднял застывшие руки и показал на высокий шкаф возле противоположной стены. В нем тесными рядами стояли цилиндры – не меньше дюжины, которые я принялся с интересом рассматривать. Прежде я никогда таких не видел. Высота этих металлических цилиндров составляла примерно фут, а диаметр был чуть уже. Я обратил внимание на три причудливых клапана в верхней части каждого из них. Вместе они образовывали треугольник. Один из них соединялся с двумя другими с помощью двух оригинальных приборов, находившихся там же, на полке, за цилиндрами. Мне не нужно было объяснять их цель и предназначение, и я снова вздрогнул. Затем Экли указал на ближний угол, в котором стояли затейливые приборы с проводами и кнопками; некоторые из них напоминали те два прибора на полке, за цилиндрами. Они были подсоединены.

– Здесь четыре вида приборов, Уилмарт, – прошептал голос. – Четыре вида, и в каждом по три отделения для особых операций – в результате получается двенадцать приборов. А в этих цилиндрах находятся по четыре типа разных организмов. Три человеческих, шесть грибовидных существ, не способных перемещаться в пространстве, два прибывших с Нептуна

(господи! видели бы вы, какие тела у этого племени на их родной планете!), а остальные в прошлом обитали в пещерах на самой заманчивой темной звезде за пределами галактики. В громадном подземелье под Круглым холмом собрано множество подобных цилиндров и приборов. Они хранят в этих цилиндрах сверхкосмический мозг с диапазоном разных ощущений, не похожих на наши, – мозг союзников и исследователей из иных миров. А особые машины снабжают его впечатлениями и дают возможность выражать свои чувства в зависимости от ситуации и характера восприятия слушателей. Как и многие обжитые Крылатыми места на Земле и иных планетах, Круглый холм весьма космополитичен. Конечно, они одолжили мне для эксперимента лишь самые распространенные типы.

А теперь возьмите вот эти три прибора – видите, я вам на них показываю – и поставьте их на стол. Высокий, с двумя стеклянными линзами, должен находиться в центре. Затем – коробку с пустыми цилиндрами и усилителем звука, а после – вот тот, с металлическим диском наверху. Достаньте цилиндр с надписью «В-67». Передвиньте виндзорское кресло поближе к шкафу и возьмите его в руки. Что, тяжело? Ничего, не обращайтесь внимания. Смотрите не перепутайте, на нем написано «В-67». Не беспокойтесь и подсоедините этот новенький сверкающий цилиндр к двум приборам для проверки – на одном из них обозначено мое имя. Поставьте «В-67» на стол рядом с приборами и проследите, чтобы выключатели на всех трех оказались на крайней левой отметке.

Теперь соедините провода на приборе с линзами с верхним клапаном цилиндра – вот так! Соедините прибор с пустыми цилиндрами с нижним левым клапаном, а аппарат – с диском с внешним клапаном. Затем передвиньте выключатель вправо до крайней отметки – сначала на приборе с линзами, потом на аппарате с диском, а после на пустых цилиндрах. Правильно. Могу сообщить, что в нем человек, такой же, как мы с вами. Ладно, хватит. Завтра сможете поупражняться с другими приборами.

До сих пор не знаю, почему я столь безропотно повиновался его сиплону шепоту и почему долго размышлял о том, нормален или безумен Экли. Ведь ход событий должен был подготовить меня ко всему, но его однообразное бормотание уж слишком смахивало на типичные причуды свихнувшихся изобретателей и ученых, и у меня тут же возникли сомнения и родилось множество вопросов. Даже его предыдущие откровения не могли меня так возбудить. Гипотезы Экли выходили за пределы всех человеческих представлений, но разве пришельцы не опередили нас в своем развитии на целые века? Неужели я спокойнее отнесся к другим историям, считая их менее жуткими и абсурдными, лишь потому, что там не было конкретных доказательств?

Мое сознание словно блуждало во тьме и хаосе впечатлений. Внезапно прислушавшись, я уловил скрежет и вращение всех трех приборов, соединенных с цилиндром. Вскоре эти скрежет и вращение превратились в монотонный гул. Что же с ними случилось? Кажется, до меня донесся голос? А если я не ослышался, то как мне удастся доказать, что это не радиорепродуктор, помещенный в цилиндр и находящийся под пристальным наблюдением? Я и сейчас не могу поклясться, что слышал голос и столкнулся с каким-то непонятным мне феноменом. Но ведь что-то было, и из цилиндра исходили звуки.

Не стану утомлять вас перечислением подробностей и просто скажу, что пустой цилиндр и усилитель звука вдруг заговорили. Их речь была ясна и отчетлива. Она не оставляла сомнений в том, что говорящий находится здесь и следит за нами. Голос звучал громко, механически ровно, безжизненно, как и подобает любой машине. Его интонации не менялись, и эта однообразная речь сопровождалась скрежетом и лязгом. Создавалось впечатление, что они неразрывно связаны с решительным и мертвенным тоном.

– Мистер Уилмарт, – начал он, – надеюсь, что я вас не испугал. Я такой же человек, как и вы, хотя в настоящий момент мое тело отдыхает и набирается сил под присмотром специалистов в подземелье под Круглым холмом. Это недалеко отсюда, примерно в полутора милях. А

сам я здесь, с вами, – мой мозг находится в этом цилиндре, и я вижу, слышу и говорю благодаря электронным вибрациям. Через неделю я улечу в дальние межзвездные просторы, как летал уже много раз, и полагаю, что мистер Экли любезно согласится составить мне компанию. Буду рад, если вы присоединитесь к нам, поскольку знаю, кто вы и что делаете, а также ознакомился с вашими письмами мистеру Экли. Разумеется, я – один из союзников Крылатых, не однажды посещавших нашу планету. Впервые я встретился с ними в Гималаях и сумел оказать им ряд услуг. В ответ они раскрыли мне свои тайны и научили многому, о чем известно лишь считаным единицам жителей Земли.

Мне довелось побывать в тридцати семи точках Вселенной – на планетах, темных звездах и других объектах, в том числе на восьми находящихся за пределами Галактики и двух – за изгибом Космоса во времени и пространстве, понимаете ли вы, что это значит? И все путешествия не причинили мне никакого вреда. Мой мозг каждый раз отделялся от тела столь искусным образом, что я не назвал бы его хирургической операцией. Пришельцы научились расчленять организм легко и безболезненно, у них особые методы. К тому же, когда мозг изъят, тело не старится и остается прежним. Добавлю, что мозг постоянно подпитывается с помощью перемен в вибрации и флюидах. Из-за них он становится бессмертным.

Я от души надеюсь, что вы попробуете рискнуть и полетите с мистером Экли и со мной. Обитатели других планет хотят поближе познакомиться с учеными вроде вас и показать им бескрайние просторы, о которых большинство людей способно только мечтать да сочинять невежественные небылицы. На первых порах инопланетяне могут произвести на вас странное впечатление, но я знаю, что вас интересует суть, а не внешние признаки. Думаю, что мистер Нойес тоже отправится с нами, – хочу напомнить, что это человек, который привез вас сюда в своей машине. Он тесно связан с нами уже не один год, – да вы, наверное, узнали его голос. Он был записан на пластинку мистером Экли...

От гнева я чуть было не прервал его; он почувствовал мое волнение и сделал паузу на минуту-другую, а потом закончил свою речь:

– Итак, мистер Уилмарт, выбор остается за вами. А я лишь добавлю, что человек с вашей любовью к неразгаданным явлениям и фольклору не вправе упускать подобный шанс. Вам нечего опасаться. Перемещения совершенно безболезненны. Вас порадует, что на планетах все механизировано. Когда электроды разъединены, сознание погружается в сон с яркими и фантастическими видениями.

А теперь, если вы не возражаете, мы расстанемся до завтра. Спокойной ночи. Не забудьте повернуть выключатели влево и действуйте строго по порядку. Механизм с линзами можете выключить последним. Спокойной ночи, мистер Экли, позаботьтесь о нашем госте! Ну как, мистер Уилмарт, вы готовы выключить прибор?

Вот и все. Я автоматически подчинился приказу и выключил все три прибора. Голова у меня шла кругом, и я почти ничего не соображал, когда до меня вновь донесся глухой шепот Экли. Он сказал, что я могу оставить приборы на столе. Экли не стал обсуждать со мной услышанный монолог, да я бы и не понял ни одного его слова из-за навалившейся на меня безмерной усталости. Он предложил мне взять со стола лампу и отнести к себе наверх. Ему хотелось отдохнуть в темноте. Разумеется, он нуждался в отдыхе – длинные беседы днем и вечером утомили бы даже здорового человека. Еще не оправившись от потрясения, я пожелал хозяину спокойной ночи и поднялся к себе с лампой в руке, хотя привез отличный карманный фонарь.

Я был счастлив, что покинул первый этаж с его едким запахом и слабой, но ощутимой вибрацией, однако гнетущий страх по-прежнему не отпускал меня. Я подумал о ферме Экли и непостижимых силах, с которыми только что столкнулся, и ощутил нависшую надо мной космическую угрозу. Дикая, пустынная местность, темный, таинственный лесистый склон, вплотную подступивший к дому, отпечатки когтей на дорожке, сиплый шепот во тьме, дьявольские цилиндры; и приборы, и, наконец, предстоящие мне странная операция и не менее странные

путешествия, или, точнее, приглашения к ним, – все эти свежие впечатления обрушились на меня с удесятеренной силой, парализовав волю и чуть не доведя до обморока.

Я был потрясен, узнав, что мой спутник Нойес участвовал в шабаше, записанном на фонографе. Недаром еще в дороге я уловил в его голосе что-то смутно знакомое и на редкость отталкивающее. Я испытал второе потрясение, когда попытался проанализировать поведение моего хозяина и понять, как я к нему теперь отношусь. Раньше, читая его письма, я невольно симпатизировал Экли, однако при встрече проникся к нему непреодолимым отвращением. Казалось бы, его болезнь должна была пробудить во мне сострадание, но, увидев его, я ощутил непонятную брезгливость. Он был неподвижен, похож на труп, да еще его мерзкий нечеловеческий шепот! Несмотря на застывшие, чуть ли не окаменевшие губы, в нем угадывались внутренняя убежденность и сила, необычные для больных астмой с их хриплым, прерывистым дыханием. Я быстро освоился и слышал каждое слово, даже находясь в противоположном конце комнаты. Мне почудилось, что он стремится навязать мне свою волю, но я так и не понял, чем это могло быть вызвано. В его хриплом голосе проскальзывало нечто очень знакомое, как и в голосе Нойеса, наводившем на меня ужас. Но где я его прежде слышал и когда это было, я не мог вспомнить.

Я понял лишь одно – вторую ночь я здесь не выдержу. Мой исследовательский пыл полностью иссяк, уступив место страху и неприязни. Я желал поскорее выбраться из-под раскинутой сети и забыть о безумных откровениях. С меня довольно, я и так успел слишком много узнать! Должно быть, эти странные космические связи действительно существуют, но нормальному человеку нужно держаться от них подальше и не связываться во всякие загадочные истории.

Похоже, что богохульные влияния подействовали на меня и попытались завладеть моими чувствами. Я решил, что мне необходимо как следует выспаться, потушил лампу и тут же, не раздеваясь, растянулся на кровати. Несомненно, это было абсурдно, но я приготовился к ночному вторжению и крепко сжал в правой руке привезенный револьвер, а в левой карманный фонарь. Но снизу не доносилось ни звука, и я представил себе, как мой хозяин неподвижно сидит в кресле, окруженный сгустившейся тьмой.

Где-то слышалось тиканье часов, и мне доставил удовольствие этот обычный, «нормальный» звук. Однако я сразу вспомнил о встревоживших меня первых впечатлениях – то есть о полном отсутствии на ферме животных и птиц. Только теперь до меня дошло, что здесь нет ни коров, ни собак и даже насекомые не верещат в ночной тиши. Лишь вдали зловеще журчали ручьи, нарушая мертвенный – межпланетный – покой. Интересно, какой ублюдок родом со звезд истребил в округе все живое и как это ему удалось, задал я себе вопрос и тут же подумал о старых легендах, в которых собаки и другие животные всегда ненавидели пришельцев, и о том, что могут означать следы на дороге.

VIII

Не спрашивайте, долго ли я спал и не приснилось ли мне все случившееся. Если я скажу, что проснулся тогда-то и тогда-то и услышал то-то и то-то, вы начнете мне возражать, решив, будто я вовсе не просыпался и видел это во сне, а потом выбежал из дома и, спотыкаясь, добрел до сарая, где стоял старенький «форд» Экли. После я как на крыльях пролетел на выдавшей виды машине по неприступным лесистым холмам. В лицо мне дул порывистый ветер, я заблудился и долго петлял в дремучих лабиринтах, но через несколько часов все же добрался до какого-то поселка и узнал, что это Тауншенд.

Конечно, вы также усомнитесь и в других подробностях моего рассказа и станете утверждать, будто никаких фотографий, пластинки, цилиндров и приборов и в помине не было, а я просто поверил внушениям бесследно скрывшегося Генри Экли. Вы даже намекнете мне, что он подговорил двух чудаков и они довольно ловко, но в общем-то не слишком умно постарались меня разыграть. Вы скажете, что он сам похитил в Кине черный камень из товарного вагона, а еще раньше вместе с Нойесом устроил ночной шабаш и записал его на фонограф. Характерно, что Нойеса до сих пор так и не опознали; никто из живущих рядом с фермой Экли его никогда не видел, хотя, по логике, он не однажды бывал в здешних краях. Жаль, что я не запомнил номер его машины, но, быть может, это даже к лучшему. Я знаю, что вы мне ответите, да и сам нередко говорил себе нечто подобное, но мне известно и другое, самое важное: от диких, заброшенных холмов исходит зловещая сила, и ее влияние нетрудно ощутить, оно словно витает в воздухе. А значит, пришельцы затаились и поныне прячутся там, и у них есть агенты и эмиссары в нашем, земном мире. Я хочу лишь одного – держаться подальше и от зловещих сил, и от их эмиссаров.

Когда я заявил в полицию и шериф выслал целый наряд на ферму Экли, ее хозяин уже исчез. Его халат, желтый шарф и бинты валялись на полу в углу кабинета, у кресла-качалки, и было непонятно, что стало с другими вещами, пропавшими вместе с ним. Ни собак, ни скота на ферме и в окрестностях так и не нашли, а стены дома оказались пробиты пулями. Но, кроме этого, ничего особенного обнаружить не удалось. Ни цилиндров, ни приборов, ни привезенных мной в чемодане вещественных доказательств, ни затхлого запаха, ни вибрации, ни следов на дорожке – словом, ничего из настороживших меня примет. После побега я на неделю задержался в Брэттлборо и попытался выяснить ряд подробностей у знавших Экли горожан. Результаты расследования окончательно убедили меня в том, что случившееся не было ни сном, ни фантазией. Экли действительно постоянно покупал в городе служебных собак, снаряжение и химические препараты. Его телефонный провод перерезали, и об этом на станции сохранилась запись. Все знакомые с ним, включая его сына, живущего в Калифорнии, уверяли меня, что в его необычных научных изысканиях наблюдалась определенная система. Солидные горожане считали его сумасшедшим и без колебаний заявляли, что все его доказательства и разговоры об инопланетянах не более чем розыгрыш, хотя и дьявольски хитрый. Они допускали, что у него имелись какие-то чудаковатые сообщники. Однако простые крестьяне ему верили и приводили немало свидетельств. Кому-то из них он показывал фотографии и черный камень, ставил и свою страшную пластинку, и они единодушно утверждали, что следы и жужжащий голос точь-в-точь совпадают с описаниями в старинных легендах.

Они также сказали мне, что стоило Экли найти камень, как рядом с его домом появились следы, а по ночам стали слышаться дикие звуки. Теперь его ферму все обходят стороной, все, кроме почтальона да случайных приезжих с крепкими нервами. Черная гора и Круглый холм сделались проклятыми местами, и я не нашел ни одного смельчака, решившего там побывать и самому все исследовать. В округе вспомнили о пропавших местных жителях и причислили к ним новую жертву – угрюмого бродягу Уолтера Брауна, о котором упоминал в своих письмах

Экли. Я даже встретил одного фермера, полагавшего, будто он видел во время разлива Уэст-ривер плывущие в потоке необычные тела, но его рассказ был слишком сбивчив, и я ему не поверил.

Покинув Брэттлборо, я твердо знал, что больше в Вермонт не приеду. Я дал себе слово и сдержу его. Мне незачем сюда возвращаться. Страшные пришельцы из космоса по-прежнему обитают в подземельях и на вершинах лесистых гор, мои последние сомнения в этом отпали, когда я прочел в газете статью о новой, девятой планете, засиявшей за Нептуном, как и предсказывали Крылатые. Астрономы с поразительной точностью вычислили ее местонахождение и назвали Плутоном. Я абсолютно убежден в том, что они обнаружили темный Юггот, и, не в силах унять нервную дрожь, размышлял о причинах, побудивших его чудовищных уроженцев раскрыть свою тайну именно сейчас, в наши дни. Напрасно я пытался уговорить себя, что эти дьявольские создания не строят новые козни и не желают зла ни Земле, ни ее жителям.

Но я должен завершить свое повествование о событиях той кошмарной ночи на ферме Экли. Как я уже сказал, мне сразу удалось уснуть – сны сменяли один другой, и изо всех них я запомнил лишь промелькнувшие жуткие пейзажи. Не знаю, когда я проснулся, но хорошо помню, что меня разбудило. Я услышал скрип половиц в коридоре, за дверью. Потом кто-то неловко попробовал открыть мою дверь. Вскоре эти звуки стихли. Я был еще в полусне, и первым отчетливым впечатлением стали голоса, донесшиеся до меня снизу, из кабинета. Их было несколько, и я решил, что они о чем-то спорят.

Я затаил дыхание, прислушался – и сна как не бывало. Стоило мне их разобрать, как сама мысль о сне показалась дикой и нелепой. Они заметно отличались друг от друга, но всякий знакомый с записью на фонографе сразу узнал бы два голоса. Я понял, что нахожусь под одной крышей с безымянными тварями из межзвездных пространств. Ошибиться было невозможно – голоса громко жужжали и гудели, совсем как Крылатые в общении с людьми. Повторяю, у них были разные голоса – разные по тембру, акценту и скорости произношения, но оба принадлежали к этому проклятому племени.

Я знал и третий, «механический» голос, еще несколько часов назад говоривший со мной из прибора с усилителем звука, соединенным с цилиндром, где хранился мозг. И здесь ошибка заведомо исключалась – этот громкий безжизненный голос с ровными, невыразительными интонациями, скрежетом и лязгом я при всем желании не смог бы забыть. В ту пору у меня возник вопрос: неужели причина лишь в скрежете и лязге, а со мной поздним вечером говорил кто-то другой, пусть и очень похожий? Но позднее я сообразил, что любой мозг начнет издавать такие звуки, если его подсоединят к механическому усилителю с репродуктором, и разница будет заключаться только в словарном запасе, ритме и темпе. В споре, очевидно для полноты картины, участвовали и два человеческих голоса. Один грубоватый и неизвестный мне – им, судя по всему, говорил кто-то из местных крестьян, – а второй звучный, хорошо поставленный, с легким бостонским акцентом – короче, голос моего провожатого Нойеса.

Я попытался уловить слова, но прочные перекрытия между этажами искажали их смысл. Вдобавок мне мешал не прекращающийся ни на секунду шум и грохот в кабинете. У меня создалось впечатление, что там полным-полно живых существ – гораздо больше, чем говоривших. Этот шум почти невозможно описать, во всяком случае я не нашел для него убедительных сравнений. По комнате постоянно двигались в разных направлениях – шаги отдаленно напоминали то ли затрудненный бег по какому-то шероховатому покрытию, то ли (это определение более конкретно, хотя тоже неточно) шарканье и топот деревянных подошв по отполированному паркету. Я не стал строить дальнейших предположений относительно расхаживающих по кабинету.

Вскоре я также осознал, что не могу разобрать ни одной фразы или связать воедино отдельные услышанные слова. Ко мне в спальню проникали лишь обрывки, в них часто упоминались имена – Экли и мое собственное, наиболее четко их произносил «металлический»

голос из цилиндра, соединенного с усилителем звука, но смысл ускользал от меня, ибо я не знал контекста. Я и сейчас не решаюсь сформулировать какой-нибудь вывод, понимаю лишь, что на меня гнетуще подействовали намеки, а не открывшаяся истина. Я всем существом чувствовал ужас этого сборища, но не сумел бы внятно объяснить, в чем он состоял. Любопытно, что это ощущение зла и богохульства, господствовавшего в кабинете, полностью противоречило утверждениям Экли о дружелюбии пришельцев.

Прислушавшись повнимательнее, я начал лучше различать голоса, хотя суть спора, как и прежде, не доходила до меня. Однако я смог уловить эмоциональный настрой говоривших. Один из Крылатых, несомненно, главенствовал в разговоре, тогда как механический голос, несмотря на всю свою четкость и искусственную громкость, покорно исполнял указания жужжащего и о чем-то просил его. Нойес явно старался успокоить и примирить собеседников. Интонаций остальных я так и не смог определить. Я не слышал знакомого сиплого шепота Экли, да и не рассчитывал на это: приглушенные звуки никак не пробились бы в спальню сквозь прочные перекрытия.

Я попробовал соединить отдельные слова и другие звуки, соотнес их с каждым из говоривших. Первую связную фразу, которую я полностью расшифровал, произнес «металлический» голос из цилиндра.

(Голос, соединенный с репродуктором)

«...привез их сам... вернул письма и пластинку... закончил... принимая во внимание... видел и слышал... черт побери... внеличностные силы... в конце концов... новенький, сверкающий цилиндр... Боже правый...»

(Первый жужжащий голос)

«...время, которое мы остановили... маленький и человеческий... Экли... мозг... говорящий...»

(Второй жужжащий голос)

«...Ньярлатхотеп... Уилмарт... пластинка и письма... дешевый трюк...»

(Нойес)

(Какое-то неудобопроизносимое слово, возможно, имя, что-то вроде «Н'ян-Ктхун»)

«...безболезненно... мирно... пару недель... театрально... уже говорил вам об этом...»

(Первый жужжащий голос)

«...не имеет смысла... первоначальный план... эффекты... Нойес сможет проследить... Круглый холм... новый цилиндр... машина Нойеса...»

(Нойес)

«...ладно... все ваше... вот здесь... отдых... место...»

(Несколько голосов заговорили одновременно.)

Все слилось, и слов невозможно разобрать. Шаги, шум, странный беспорядочный грохот и громкое шарканье. Странный звук – очевидно, кто-то взмахнул крыльями. Шум мотора во дворе, звуки отъезжающего автомобиля.

(Тишина.)

Вот и все, что я расслышал, неподвижно лежа в постели, в спальне на втором этаже особняка Экли, окруженного дьявольскими холмами. Я был одет и сжимал в правой руке револьвер, а в левой держал карманный фонарь. Как я уже сказал, спать я больше не мог, но какая-то непонятная сила точно приковала меня к постели, и я продолжал лежать, когда эхо отзвучав-

ших голосов уже давно смолкло. Слышалось лишь тиканье старинных коннектикутских часов, отбивавших свой ритм где-то далеко внизу, да еще прерывистый храп. Наверное, Экли крепко уснул после непонятной ночной встречи, и меня это ничуть не удивило. Я терялся в догадках и не понимал, что мне теперь делать. В конце концов, что нового я успел узнать из обрывков их спора? На что мне еще оставалось рассчитывать? Разве мне не было известно, что Крылатые стали желанными гостями на ферме Экли и вправе являться сюда в любое время? Несомненно, Экли удивил их внезапный приход. Но ведь причина в другом, что-то иное ошеломило и до смерти перепугало меня, вновь пробудив подозрения и тревогу, словно я соприкоснулся с чем-то гротескным и чудовищным. Я страстно желал проснуться чуть позже и поверить, что видел сон. Думаю, что мое подсознание оказалось более чутким и сработало точнее сознания, не сумевшего разобраться в сути событий. Но как быть с Экли? Ведь он мой друг и непременно выступил бы в мою защиту, попытайся кто-нибудь из них ущемить или обидеть меня. Его мирное похрапывание вдруг показалось мне нелепым и неуместным.

А может быть, они загипнотизировали Экли и воспользовались им как наживкой, чтобы поймать меня на крючок и завладеть письмами, фотографиями и записью на фонографе? Неужели они хотят прооперировать, то есть фактически уничтожить нас обоих, потому что мы слишком много знаем? Я вновь подумал о ситуации, резко изменившейся за последние дни, – о череде отчаянных писем Экли и его новом, спокойном и уверенном послании. Инстинкт подсказывал мне – здесь что-то не так. Все было иначе, чем казалось. Взять хотя бы этот едкий и горький кофе, который я вылил в раковину, – возможно, кто-то из них попытался меня отравить? Мне нужно было немедленно переговорить с Экли и привести его в чувство. Они околдовали его рассуждениями о космических открытиях, но теперь он обязан прислушаться к голосу разума. Мы должны избавиться от них, пока не поздно. Если его воля сломлена и он не способен освободиться от их чар, я постараюсь ему помочь. Ну а если мне не удастся убедить его уехать отсюда, я по крайней мере выберусь сам. Уверен, он разрешит мне воспользоваться его «фордом» и оставить его в гараже в Брэттлборо. Я же видел, что машина стоит в сарае, его дверь не была заперта, она открыта и сейчас, когда опасность миновала. Да, похоже, с машиной все в порядке, и я смогу на ней доехать. Неприязнь к Экли, которую я ощутил во время нашего вечернего разговора и после него, мгновенно исчезла. Его положение ничуть не лучше моего, и мы должны бороться сообща. Я знал, как плохо он себя чувствует, и с отвращением подумал о том, что мне придется его разбудить, но был просто обязан это сделать. Я не мог оставаться здесь до утра.

Наконец я собрался с силами, растянулся и напряг мускулы, чтобы встать. Вскочив с постели, я поднял и надел шляпу, взял чемодан и стал спускаться по лестнице с зажженным фонарем. Я по-прежнему сжимал в правой руке револьвер, а левой подхватил чемодан и фонарь. Не понимаю, к чему была вся эта предосторожность, ведь в доме, кроме меня и спящего хозяина, никого не осталось.

Я на цыпочках сошел по скрипучим ступеням в холл и, отчетливее услышав храп, сообразил, что Экли, должно быть, перебрался в расположенную по левую сторону гостиную. Туда я еще ни разу не заходил. Справа чернел вход в кабинет, откуда совсем недавно до меня доносились голоса. Я распахнул незапертую дверь в гостиную, осветил фонарем дорожку к месту, откуда слышался храп, и направил его луч к лицу спящего. Но в следующую секунду я отпрянул, повернулся и начал по-кошачьи пятиться к выходу. Предосторожность взяла верх над доводами разума, и я беспрекословно повиновался инстинкту. На софе лежал не Экли, а мой бывший провожатый Нойес.

Я не успел разобраться в случившемся, но здравый смысл подсказывал мне, что я должен поскорее выбраться отсюда и незаметно скрыться. Выйдя в холл, я бесшумно закрыл дверь в гостиную. Нойес крепко спал, и я его не потревожил. Потом я столь же осторожно вошел в кабинет, надеясь найти там спящего или бодрствующего Экли. В углу стояло его любимое

кресло-качалка. Пока я приближался к нему, луч фонаря высветил массивный стол с дьявольскими цилиндрами, и я услышал гул приборов. Усилитель звука находился рядом, и его можно было в любой момент подключить к ним. Очевидно, там помещался мозг, голос которого донесся до меня во время этого пугающего разговора. На мгновение у меня возник соблазн включить усилитель звука и узнать, что мне сейчас скажут.

Я подумал, что ему известно о моем приходе, а все звуковые и визуальные приборы уже успели зафиксировать свет фонаря и скрип половиц от моих шагов. Но, поразмыслив, я все-таки не стал рисковать и ввязываться в очередную авантюру. Я бросил рассеянный взгляд на новенький цилиндр с именем Экли, который еще вечером заметил на полке. Хозяин сказал тогда, чтобы я его не трогал. Теперь я сожалею о собственной робости. Мне следовало бы включить прибор и выслушать все от начала и до конца. Одному Богу ведомо, какие тайны открылись бы мне, какие страшные сомнения подтвердились бы и на какие вопросы я получил бы ответ! Но, возможно, судьбе было угодно меня пощадить, и я ничего не узнал.

Я направил луч фонаря в угол, где, как полагал, должен был находиться Экли, но, к моему изумлению, кресло оказалось пусто. В нем никто не спал и не бодрствовал. На полу лежал халат, и его складки чуть заметно колыхались. Рядом с ним валялись желтый шарф и огромные бинты, так поразившие меня при первой встрече. Я размышлял о том, куда мог деться Экли и почему он вдруг поспешил избавиться от своего «больничного» облачения. Внезапно я почувствовал, что в комнате больше нет ни вибрации, ни затхлого запаха. Чем же они были вызваны? Странно, но я ощущал их только в присутствии Экли, и особенно сильно рядом с его креслом. А вот в других комнатах и даже в коридоре они полностью отсутствовали. Я немного постоял, направляя луч фонаря в разные углы кабинета и пытаясь подыскать происшедшему хоть какое-то объяснение.

О господи, если бы я спокойно вышел и не стал высвечивать фонарем пустующее кресло-качалку! Но все сложилось иначе, и мне пришлось забыть о спокойствии. Я не выдержал и негромко вскрикнул, должно быть, нарушив покой стража этого дома, спящего в комнате по ту сторону коридора, хотя и не разбудив его. Мой выкрик и мерное похрапывание Нойеса были последними звуками, услышанными мной на мертвенно-тихой ферме под горой, поросшей темным лесом. Этот центр транскосмического ужаса затерялся среди заброшенных зеленых холмов и бормочущих невнятные проклятия ручьев, на старой крестьянской земле, похожей на спектр.

Удивительно, что, выбежав из дома, я не выронил фонарь, чемодан и револьвер и как-то сумел их удержать. Мне хотелось бесшумно выскользнуть отсюда, и, кажется, я сумел это сделать. Приблизившись к сараю, я сел в старенький «форд», завел мотор и поехал на выдавшей виды машине куда глаза глядят. Мне хотелось лишь одного – очутиться этой темной, безлунной ночью в полной безопасности. Моя поездка превратилась в безумную гонку, достойную рассказов Эдгара По, стихов Рембо или рисунков Доре, но наконец я добрался до Тауншенда. Вот и все. Если я до сих пор здоров и мой рассудок не помутился, то мне крупно повезло. Иногда я со страхом думаю о будущем, о том, чего от него можно ожидать, особенно после знаменательного открытия новой планеты Плутон.

Как уже упоминалось, я вновь направил луч фонаря на пустующее кресло, успев обшарить весь темный кабинет. И тут мне бросились в глаза лежавшие на сиденье вещи. В первый раз я не обратил на них внимания, да это и понятно – их скрывали складки просторного халата. Полицейские, позднее прибывшие на ферму, тоже не нашли этих трех предметов. Сами по себе они вряд ли смогли бы испугать, о чем я, кажется, также говорил выше. Суть в том, к каким выводам они невольно подталкивали. Даже сейчас меня не оставляют сомнения, и я готов понять скептиков, считающих мой рассказ фантазией, результатом нервного расстройства или галлюцинацией.

Эти три предмета были отлично сделаны, я бы сказал, с каким-то поистине дьявольским умением и аккуратностью. С помощью металлических приспособлений они могли прикрепляться к любой органической структуре, и я бы не отличил их от настоящих. Надеюсь, искренне надеюсь, что какой-то неведомый мастер вылепил их из воска, хотя таящийся в глубине моей души ужас подсказывает мне совсем иной ответ. Боже правый! Шепчущий во тьме с этим затхлым запахом и вибрацией! Прорицатели, эмиссары, подмена, пришельцы... жуткое, назойливое жужжание... и все время новенький, сверкающий цилиндр стоял на полке... несчастное дьявольское отродье... Поразительные открытия в хирургии, биологии, химии и механике...

Ибо в кресле лежали как две капли воды похожие на настоящие, не отличимые от них ни под одним микроскопом лицо и руки Генри Уэнтуорта Экли.

Сны в Ведьмином доме

Сны ли вызвали лихорадку или лихорадка послужила причиной снов, Уолтер Гилман не знал. На заднем плане затаился тягостный, неотвязный ужас пред древним городом и перед проклятой затхлой мансардой под самой крышей, где он писал, корпел над книгами и сражался с цифрами и формулами, когда не метался беспокойно на нищей железной кровати. Слух его сделался сверхъестественно, невыносимо чуток; Гилман давным-давно остановил дешевые каминные часы – их тиканье со временем зазвучало для него артиллерийской канонадой. Ночью еле различимые шорохи из непроглядной городской черноты снаружи, зловещий топот крыс в изъеденных червями перегородках и поскрипывание незримых балок векового дома складывались для него в адскую какофонию. Темнота неизменно наполнялась необъяснимыми звуками – и однако ж порою Гилман содрогался от страха при мысли о том, что эти шумы стихнут и тогда он, чего доброго, расслышит и другие – еще более слабые и неясные.

Гилман жил в неизменном, овеванном легендой Аркхеме, с его нагромождениями двускатных крыш, что нависают и проседают над чердаками, – на этих чердаках в темные, былые дни Провинции от королевских стражников прятались ведьмы. Во всем городе не нашлось бы места, более пропитанного жуткими воспоминаниями, нежели приютившая Гилмана мансарда: ведь в этом самом доме и в этой самой комнате некогда ютилась старуха Кезия Мейсон, чей побег из Салемской тюрьмы так в итоге и остался загадкой. Было это в 1692 году: тюремщик тронулся умом и бессвязно бормотал что-то про мелкую мохнатую тварь с белыми клычками, что якобы шмыгнула из камеры Кезии, и даже сам Коттон Мэзер¹ не смог истолковать смысл углов и кривых линий, намалеванных на серых каменных стенах какой-то красной липкой жидкостью.

Вероятно, Гилману не стоило так усердствовать в своих занятиях. От неевклидовой геометрии и квантовой физики у кого угодно ум за разум зайдет, а если еще сдобрить все это фольклористикой и пытаться выявить странную подоплеку многомерной реальности, что стоит за зловещими намеками готических повестей да нелепых пересудов у камелька, тут уж и впрямь добра не жди. Приехал Гилман из Хаверхилла, но лишь поступив в Аркхемский колледж, он стал пытаться увязать математику с фантастическими легендами о древней магии. Было в самом воздухе многовекового города что-то такое, что подспудно действовало на его воображение. Профессора Мискатоникского университета наперебой уговаривали его сбавить темп и сами, по доброй воле, несколько раз сокращали ему курс. Более того, Гилману запретили работать с сомнительными старинными книгами о недозволенных тайнах, что хранились под замком и под спудом в университетской библиотеке. Но все эти предосторожности запоздали: Гилман уже почерпнул недобрую подсказку-другую из кошмарного «Некрономикона» Абдула Альхазреда, фрагментарной «Книги Эйбона» и запрещенного труда «Unaussprechlichen Kulten», или «Неназываемые культы», фон Юнцта и соотнес эти подсказки со своими абстрактными формулами, описывающими свойства пространства, и взаимосвязанностью ведомых и неведомых измерений.

Гилман знал, что живет в старом Ведьмином доме – поэтому, собственно, он здесь комнату и снял. В округе Эссекс сохранилось немало документов по процессу Кезии Мейсон, и то, в чем она под давлением призналась суду, Гилмана несказанно завораживало. Старуха рассказала судье Готорну про линии и спирали, что могут выводить из уз пространства в иные пределы, и намекнула, что эти самые линии и спирали частенько использовались на полуночных

¹ *Cotton Mather* (Cotton Mather, 1663–1728) – американский ученый, биолог и медик, проповедник, писатель и памфлетист. Близко общался со многими из судей, участвовавших в процессе Салемских ведьм; в связи с процессом написал трактат о доказательной силе тех или иных свидетельств.

сборищах в темной долине белого камня за Луговым холмом и на безлюдном речном островке. Упомянула она и о Черном Человеке, и о своей клятве, и о своем новом тайном имени Нахаб. А потом начертала эти узоры на стенах своей камеры – и исчезла.

Гилман свято верил всей небывальщине, что рассказывали о Кезии, и, узнав, что дом ее стоит и по сей день, спустя более 235 лет, ощутил некий странный трепет. Когда же он услышал боязливые аркхемские перешептывания о том, что Кезия, дескать, по-прежнему появляется в старом особняке и узких окрестных улочках, и о том, что на спящих в этом доме и в соседних домах обнаруживаются неровные отметины человеческих зубов, и о детских криках, что слышатся накануне первого мая и Дня Всех Святых, и о гнусном зловонии, что зачастую ощущается в мансарде старого дома сразу после этих страшных дат, и о мелкой, мохнатой, острозубой твари, что рыщет по прогнившему зданию и по городу и с любопытством обнюхивает людей в темные часы перед рассветом, – Гилман твердо решил поселиться именно тут, чего бы ему это ни стоило. Снять комнату оказалось нетрудно, дом пользовался дурной славой, сдать его целиком не удавалось, так что его давно переоборудовали под дешевые «меблирашки». Гилман понятия не имел, что ожидал там обнаружить: просто знал, что хочет жить под той самой крышей, где волею обстоятельств убогая старуха семнадцатого века неожиданно-негаданно обрела понимание таких математических глубин, рядом с которыми ничего не стоили последние современные изыскания Планка, Гейзенберга, Эйнштейна и де Ситтера².

Гилман внимательно изучил деревянные и оштукатуренные стены, ища следы загадочных знаков во всех доступных местах, где отклеились обои, и, не прошло и недели, как заполучил комнату в восточной части мансарды, где Кезия якобы творила свои заклинания. Комната с самого начала пустовала – никто так и не захотел задержаться в ней надолго, – но поляк-домовладелец со временем стал побаиваться сдавать ее кому бы то ни было. Однако ничего страшного с Гилманом не случилось, – во всяком случае, вплоть до прихода болезни. Призрак Кезии не порхал по мрачным коридорам и покоям, никакие мохнатые твари не прокрадывались в жуткое гнездо под самой крышей обнюхать жильца – однако ж и неустанные поиски не увенчались успехом: никаких записей о ведьминых заклинаниях Гилман так и не нашел. Порою он отправлялся на прогулку по сумеречным лабиринтам немощеных, пахнущих затхлостью улиц, где зловещие коричневые особняки невесть какого века кренились, шатались, насмешливо шурились мелкими переплетами узких оконцев. Гилман знал: некогда здесь происходило немало всего странного, а за внешней видимостью маячило смутное ощущение того, что, возможно, не все из этого чудовищного прошлого исчезло безвозвратно – чего доброго, прошлое это живо и по сей день на самых темных, самых узких и прихотливо извилистых улочках. Пару раз Гилман сплавал на веслах на речной островок с недоброй репутацией и зарисовал характерные угловатые линии, образованные мшистыми рядами стоячих камней неведомого и незапамятного происхождения.

Комната Гилману досталась просторная, зато до странности несимметричная; северная стена заметно покосилась внутрь по всей длине, а низкий потолок шел вниз, под уклон, в том же самом направлении. Если не считать явной крысиной норы и следов других таких же, заделанных, не было никакого доступа (и никаких следов того, что такой проход когда-либо существовал) к зазору, что, по-видимому, образовался между покосившейся внутренней стеной и ровной внешней стеною дома с северной стороны. Хотя, если посмотреть снаружи, можно было разглядеть, что здесь когда-то в незапамятные времена заколотили досками окно. К чердаку, с покатым, по всей видимости, полом, в этом месте доступа тоже не было. Когда же Гилман вскарабкался по приставной лестнице на затянутый паутиной чердак, там, где над остальной

² Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (Max Karl Ernst Ludwig Planck, 1858–1947) – выдающийся немецкий физик, основатель квантовой теории. Вернер Карл Гейзенберг (Werner Karl Heisenberg, 1901–1976) – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Виллем де Ситтер (Willem de Sitter, 1872–1934) – нидерландский математик, физик и астроном.

частью мансарды пол был ровным, он обнаружил следы бывшего отверстия, которое надежно, просто-таки намертво забили старыми досками с помощью крепких деревянных гвоздей, что были в ходу у плотников колониального периода. Однако ж Гилману так и не удалось убедить флегматичного домохозяина позволить ему исследовать какую-либо из этих заделанных пустот.

По мере того как шли дни, неровная стена и потолок все больше занимали Гилмана; он принялся вычитывать в странных углах математический смысл, что словно бы наводил на некие мысли об их предназначении. Старуха Кезия, размышлял он, конечно же, жила в комнате с необычной конфигурацией не просто так: не она ли уверяла, будто через определенные углы она перемещается за пределы ведомого нам мирового пространства? Но постепенно Гилман утратил интерес к неизведанным зазорам за наклонными поверхностями: теперь ему казалось, что назначение их следует искать на этой стороне, а не на той.

Первые признаки мозговой горячки и сны проявились в начале февраля. Какое-то время, по всей видимости, причудливые углы гилмановой комнаты оказывали на него странный, почти гипнотический эффект; с приближением промозглой зимы он ловил себя на том, что все пристальнее и пристальнее смотрит на угол, где скошенный вниз потолок сходил с наклонившейся внутрь стеной. Примерно в то же время неспособность сосредоточиться на прежних научных занятиях изрядно его встревожила: экзамены середины года внушали ему самые серьезные опасения. Но обострившийся слух досаждал ему ничуть не меньше. Жизнь превратилась в непрекращающуюся, почти нестерпимую какофонию, которой сопутствовало неотвязное, пугающее ощущение иных звуков – возможно, откуда-то из областей за пределами жизни, – что подрагивали на самой грани слышимости. Что до звуков реальных, хуже всего были крысы в старых перегородках. Порою казалось, что скребутся они не столько украдкой, сколько нарочито. Когда это царапанье доносилось из-за наклонной северной стены, к нему примешивалось что-то вроде сухого дребезжания, а когда оно слышалось с вот уже целый век как заколоченного чердака над скошенным потолком, Гилман всегда собирался с духом, как если бы ожидал, что некий ужас, выжидающий своего часа, низвергнется вниз и поглотит его целиком.

Сны со всей определенностью выходили за рамки разумного; Гилман полагал, что они – не иначе как следствие его математических изысканий вкупе с фольклористикой. Слишком много размышлял он о смутных пределах, что, как подсказывали ему формулы, непременно таятся вне ведомых нам измерений, и о вероятности того, что старая Кезия Мейсон – направляемая некой непостижной силой – в самом деле отыскала врата в эти пределы. Пожелтевшие бумаги из окружных архивов с показаниями Кезии и ее обвинителей соблазнительно намекали на то, что человеческому опыту неподвластно, – а описания юркого мохнатого существа, ее фамильяра, были пугающе реалистичны, невзирая на все неправдоподобные детали.

Это существо размером с хорошую крысу горожане затейливо окрестили «Бурым Дженкином»; по-видимому, то был результат прелюбопытного случая симпатической массовой галлюцинации, ведь в 1692 году целых одиннадцать человек подтвердили, что своими глазами видели это существо. Да и недавние слухи поразительно и даже пугающе сходились на одном и том же. Свидетели уверяли, что тварь эта с виду – крыса, с длинной шерстью, но острозубая бородастая мордочка смахивает на лицо злобного карлика, а лапы напоминают крохотные человеческие руки. Этот монстр служил посредником между старухой Кезией и дьяволом, а вскормлен была на ведьминой крови – сосал ее как вампир. Голос его звучал как мерзкое хихиканье; тварь владела всеми языками на свете. Из всех противоестественных чудищ в гилмановых снах ни одно не повергало его в такую панику и не вызывало такой тошноты, как эта кошунственная помесь человека и крысы: жуткий образ мельтешил в его ночных видениях в обличье в тысячу раз более омерзительном, нежели бодрствующий ум способен был представить на основании старинных записей и нынешних слухов.

В своих снах Гилман по большей части нырял в бездонные пропасти, наполненные необъяснимо цветными сумерками и беспорядочной невнятицей звуков: материю этих пропастей, их гравитационные свойства и отношение к реальности собственного бытия он даже не пытался объяснить. Он не шел, не карабкался, не летел и не плыл, не полз и не проскальзывал, извиваясь; и однако же всякий раз испытывал некое движение, отчасти сознательное, отчасти – произвольное. О своем состоянии он судить не мог: из-за странной рассогласованности перспективы разглядеть собственные руки, ноги и туловище не представлялось возможным. Тем не менее он чувствовал, что его физическая организация и способности чудесным образом преобразованы и отражены как в кривом зеркале – хотя и не без гротескной соотнесенности с его обычными пропорциями и качествами.

Пропасти отнюдь не пустовали: они кишмя кишели неописуемо угловатыми сгустками субстанции неземного цвета: одни казались органической материей, другие – нет. Органические порою пробуждали в нем некие смутные воспоминания на самых задворках сознания, хотя Гилман не смог бы на сознательном уровне объяснить, что именно они гротескно пародируют или напоминают. Позже в снах он научился различать отдельные категории органических объектов: по-видимому, в каждом случае имели место совершенно разные типы образа действий и исходной мотивации. Одна из категорий, как ему казалось, включала в себя объекты менее алогичные и непоследовательные в своих передвижениях, нежели представители других категорий.

Все эти объекты – как органические, так и неорганические, – не поддавались ни описанию, ни даже пониманию. Порою Гилман сравнивал неорганические сгустки с призмами, лабиринтами, скоплениями кубов и плоскостей и циклопическими зданиями; а органические существа напоминали ему попеременно группу пузырей, осьминогов, сороконожек, одушевленных индуистских идолов и прихотливые, змееподобно оживающие арабески. Все, что он видел, внушало ужас и невысказанную угрозу; всякий раз, когда какое-нибудь органическое существо, судя по его передвижениям, замечало Гилмана, юноша испытывал мгновенный приступ леденящего, жуткого страха – от которого, как правило, резко просыпался. Как именно передвигались эти органические создания, он понимал не больше, чем природу собственных перемещений. Со временем Гилман заметил еще одну загадку: некоторые объекты появлялись внезапно, из пустоты, и точно так же исчезали бесследно. Какофония звуков – визг и рев, переполнявшие пропасти, – не поддавались никакому анализу в том, что касалось высоты, тембра и ритма; но словно бы синхронизировались с размытыми зрительными изменениями во всех неопределенных объектах, как органических, так и неорганических. Гилмана одолевал непрекращающийся страх, что при тех или иных неуловимых, пугающе неотвратимых флюктуациях звуки, чего доброго, достигнут непереносимого уровня громкости.

Но не в этих чужеродных безднах являлся ему Бурый Дженкин. Этот гнусный мелкий кошмар принадлежал неглубоким и вместе с тем ярким сновидениям, что приходили как раз перед тем, как юноше провалиться в самые глубины сна. Он лежал в темноте, отчаянно пытаясь не сомкнуть глаз, и тут по вековой комнате словно бы разливался слабый мерцающий свет, и в фиолетовой дымке проступали сходящиеся углы и плоскости, столь злокозненно завладевшие его мозгом. Кошмарная тварь выскакивала из крысиной норы в углу и семенила к нему по просевшим, широким половицам; в крохотном бородастом личике отражалось недоброе предвкусение – но, по счастью, этот сон неизменно гас, прежде чем существо подбиралось поближе, чтобы его обнюхать. А какие у него дьявольски длинные, острые клыки! Каждый день Гилман пытался заделать вход в нору, но каждую ночь настоящие обитатели стен прогрызали любое ограждение. Гилман заставил домохозяина заколотить нору жостью, но следующей же ночью крысы опять проели дыру – и при этом не то выпихнули, не то вытащили наружу любопытный фрагмент кости.

Гилман не стал жаловаться на лихорадку доктору: он знал, что ни за что не сдаст экзаменов, если его уложат в университетскую больницу, в то время как вызубрить предстояло немало – каждая минута была на вес золота. Он и так уже провалил математический анализ за четвертый семестр и аспирантский курс по общей психологии, хотя не терял надежды до сессии наверстать упущенное. В марте к неглубокому, «предваряющему» сну добавился третий элемент: теперь кошмарный образ Бурого Дженкина сопровождало неясное, расплывчатое облако, что с каждым разом все больше и больше походило на согбенную старуху. Это добавление необъяснимо встревожило Гилмана, но наконец он решил, что видение смахивает на седую каргу, с которой он дважды сталкивался в темном лабиринте переулков близ заброшенной пристани. Оба раза от беспричинно злобного, сардонического взгляда старухи его просто в дрожь бросало – особенно в первую встречу, когда разъяренная крыса метнулась через затененный проход на соседнюю улочку, а Гилман, вопреки здравому смыслу, подумал о Буром Дженкине. А теперь вот, размышлял он, эти нервные страхи отразились в беспорядочных снах, точно в зеркале.

То, что старый дом пагубно влияет на жильца, отрицать не приходилось; но былой нездоровый интерес, или то, что от него осталось, по-прежнему удерживал юношу там. Гилман внушал себе, что в ночных бредовых фантазиях повинна лишь лихорадка и ни что иное, и как только болезнь пройдет, он освободится от чудовищных видений. Однако ж видения эти были так отвратительно яркие и убедительны, что всякий раз, просыпаясь, он смутно подозревал, что испытал гораздо больше, нежели сохранила память. Он был пугающе уверен, что в позабытых снах он разговаривал как с Бурым Дженкином, так и со старухой, и что оба убеждали его куда-то с ними отправиться и повстречаться с кем-то третьим – обладателем великого могущества.

Ближе к концу марта Гилман вновь взялся за математику, хотя все остальные занятия все больше нагоняли на него скуку. Он интуитивно научился решать уравнения Римана и поразил профессора Апема пониманием четырехмерных задач, что ставили в тупик весь класс. Однажды имела место дискуссия о вероятных странных искривлениях пространства и о теоретических точках сближения или соприкосновения между нашей частью Вселенной и иными областями, далекими, как запредельные звезды или сами межгалактические бездны, – или даже столь же баснословно недостижимыми, как условно допустимые космические единицы вне эйнштейновского пространства-времени.

Рассуждения Гилмана на эту тему вызвали всеобщее восхищение, пусть некоторые его гипотетические примеры и дали новую пищу и без того богатым сплетням о его нервной, отшельнической эксцентричности. Студенты лишь головами качали, выслушав продуманную теорию о том, что человек способен – при наличии математических познаний, которых людям заведомо обрести не дано, – сознательно шагнуть с Земли на любое другое небесное тело, находящееся в одной из множества определенных точек космической системы.

Для такого шага, объяснял Гилман, потребуется лишь два этапа: сперва – выход из знакомого нам трехмерного пространства, затем – переход обратно в трехмерное пространство в иной, возможно, бесконечно отдаленной точке. В ряде случаев это вполне достижимо и гибелью не грозит. Любое существо из любой части трехмерной вселенной, вероятно, выживет и в четвертом измерении; а его выживание на втором этапе зависит от того, в какую чужеродную область трехмерной вселенной он решил возвратиться. Не исключено, что обитатели ряда планет не погибли и на некоторых других – причем даже на тех, что принадлежат иным галактикам – или сходным трехмерным фазам иного пространства-времени; хотя, безусловно, должно существовать немало обоюдн необитаемых, пусть даже математически сопряженных космических тел и зон.

Допустимо также, что жители отдельно взятой пространственной области способны пережить перемещение во множество неведомых и непостижимых областей с дополнительными или умноженными до бесконечности измерениями – будь то вне или внутри данного простран-

ственно-временного континуума, – и справедливо также и обратное. Здесь есть над чем поразмыслить, хотя можно с долей уверенности утверждать, что изменения, вызванные переходом из одного пространственного измерения в другое, высшее, не окажутся губительными для биологической целостности так, как мы ее понимаем. Гилман не мог объяснить, каковы его основания для этого последнего допущения, но подобную неопределенность заметно перевешивала полная ясность в других трудных вопросах. Профессору Апену особенно понравились его доказательства родства высшей математики с определенными стадиями развития магических знаний, что передавались через века из незапамятной древности – будь то уже во времена человека или гораздо раньше, но только древность эта располагала куда более обширными познаниями о Вселенной и ее законах, нежели мы сегодня.

С приближением первого апреля Гилман всерьез забеспокоился: его затянувшаяся лихорадка утихать и не думала. А еще – несколько жильцов уверяли, будто бы он ходит во сне, – отчего Гилман встревожился еще больше. Его постель якобы частенько оказывалась пустой, а квартирант из комнаты под мансардой отмечал, как скрипят половицы над его головой в определенные часы ночи. Он же уверял, будто слышит в ночи шаги обутых ног; но Гилман был уверен, что по крайней мере в этом сосед ошибается – ведь его ботинки, равно как и прочая одежда, поутру обнаруживались ровно на том самом месте, где были оставлены. В этом зловещем старом доме у кого угодно разовьются слуховые галлюцинации – разве сам Гилман, даже при свете дня, не слышал со всей определенностью, как иные звуки, помимо крысиной возни, доносятся из черных пустот за наклонной стеной и над наклонным потолком? Его болезненно чуткий слух начал улавливать слабый отзвук шагов на давно заколоченном чердаке над головой, и порою такого рода иллюзии становились мучительно реалистичными.

Однако ж Гилман знал, что в самом деле страдает сомнамбулизмом: ибо дважды комнату его ночью обнаруживали пустой, хотя вся одежда была на месте. Так, по крайней мере, уверял Фрэнк Элвуд, единственный сокурсник Гилмана, что по бедности вынужден был снять комнату в этом убогом и пользующимся дурной репутацией доме. Засидевшись за книгами далеко за полночь, Элвуд поднимался к соседу попросить его помочь с дифференциальным уравнением – и обнаруживал, что Гилмана нет. С его стороны было довольно-таки бесцеремонно открыть незапертую дверь, после того как, постучав, он не получил ответа, но студенту отчаянно требовалась помощь, и он подумал, что хозяин, если его деликатно растолкать, возражать не станет. Оба раза Гилмана в комнате не оказывалось – и, выслушав рассказ приятеля, он сам недоумевал, куда мог отправиться – босиком и в ночной сорочке. Гилман решил расследовать это дело, если воспоследуют новые свидетельства его сомнамбулизма, и подумывал о том, чтобы присыпать мукой пол в коридоре и посмотреть, куда ведут следы. Дверь казалась единственным мыслимым выходом, ведь за узким окном не было никакой опоры для ног.

Апрель шел своим чередом, а обостренный лихорадкой слух Гилмана терзали заунывные молитвы суеверного ткацкого подмастерья по имени Джо Мазуревич: тот снимал комнату на первом этаже. Мазуревич рассказывал длинные, бессвязные байки про призрак старухи Кезии и про пушистую острозубую приносящуюся тварь: его, дескать, эти двое порою просто-таки осаждали, так что спас беднягу лишь серебряный крест, специально выданный ему отцом Иванички из церкви Святого Станислава. Теперь же Джо искал спасения в молитвах, поскольку близился ведьминский шабаш. Канун первого мая – это же Вальпургиева ночь, когда чернейшее зло ада беспрепятственно рыщет по Земле и все рабы Сатаны сходятся для неопишуемых ритуалов и деяний. Прескверное то время для Аркхема – хотя именитые господа с Мискатоник-авеню, с Хай-стрит и Солтонстолл-стрит и прикидываются, будто они о том ни сном ни духом. В городе будет твориться страшное – пропадет ребенок-другой. Кто-кто, а Джо о таких вещах знал доподлинно – его бабушка еще на родине наслушалась историй от своей бабушки. В эту пору самое разумное – молиться да перебирать четки. Вот уже три месяца как Кезия с Бурым Дженкином не заглядывали в комнату ни к Джо, ни к Полу Чойнски, ни куда

бы то ни было; а уж если они не дают о себе знать – тогда точно добра не жди. Небось что-то затевают.

16-го числа текущего месяца Гилман зашел-таки к доктору и с удивлением обнаружил, что температура у него не столь высока, как он опасался. Врач подробно расспросил его о симптомах – и посоветовал обратиться к специалисту по нервным болезням. По зрелом размышлении Гилман поразился, что не стал консультироваться с доктором колледжа, человеком еще более дотошным. Старик Уолдрон, что уже и без того сократил ему нагрузку, теперь непременно предписал бы студенту отдых – а о каком отдыхе может идти речь, когда он так близок к великим результатам в своих уравнениях? Он же, вне всякого сомнения, уже приблизился к границе между ведомой вселенной и четвертым измерением: как знать, далеко ли еще идти?

Но даже во власти подобных мыслей Гилман все гадал – а откуда у него столь странная уверенность? Не идет ли это грозное ощущение неизбежности от формул, которыми он ежедневно исписывал лист за листом? Тихие, крадущиеся воображаемые шаги на заколоченном чердаке действовали на нервы. А теперь еще нарастало подозрение, будто кто-то то и дело убеждает его совершить нечто страшное и противоестественное. А как насчет пресловутого сомнамбулизма? Куда он хаживал ночью? И что это за слабый отзвук порою словно бы просачивается сквозь раздражающую какофонию знакомых звуков даже среди бела дня, когда сна – ни в одном глазу? Его ритм не походил ни на что земное – разве что на модуляцию одного-двух неназываемых ритуальных распевов с шабаша; а порою Гилман со страхом узнавал в нем нечто схожее с невнятным визгом или ревом в чужеродных пропастях сновидений.

А сны между тем становились все ужаснее. В поверхностном, «предваряющем» сне злобная старуха теперь являлась с дьявольской отчетливостью; Гилман уже не сомневался: именно она напугала его в трущобах. Ее длинный, крючковатый нос и сморщенный подбородок ни с чем невозможно было перепутать, да и бесформенное бурое платье хорошо запомнилось юноше. В лице ее отражались отвратительное злорадство и ликование; по пробуждении у него в ушах все еще слышался каркающий голос, убеждая и угрожая. Ему должно повстречаться с Черным Человеком и отправиться вместе со всеми к трону Азатота в самом сердце предельного Хаоса. Так говорила старуха. Ему должно собственной кровью начертать свою подпись в книге Азатота и принять новое тайное имя – теперь, когда его самостоятельные изыскания продвинулись так далеко. Что же препятствовало Гилману отправиться вместе с нею, Бурым Дженкином и тем, другим, к трону Хаоса, где бессмысленно посвистывают пронзительные флейты? Только то, что он уже встречал имя «Азатот» в «Некрономиконе» и знал, что обозначает оно древнейшее зло, зло настолько чудовищное, что не поддается описанию.

Старуха неизменно появлялась из разреженного воздуха в том углу, где уклон вниз сходился со скосом внутрь. Материализовывалась она ближе к потолку, нежели к полу, и каждую ночь подбиралась чуть ближе и проявлялась чуть четче, прежде чем сон менялся. Вот и Бурый Дженкин тоже всякий раз оказывался немного ближе; его желтовато-белые клычки недобро поблескивали в потустороннем фиолетовом свечении, визгливое мерзкое хихиканье все крепче отпечатывалось в сознании Гилмана; поутру он помнил, как тварь произносила слова «Азатот» и «Ньярлатхотеп».

Сны более глубокие также обретали все большую четкость; теперь Гилману казалось, что сумеречные пропасти вокруг принадлежат четвертому измерению. Те органические сущности, перемещения которых казались не столь вопиюще непоследовательными и бессмысленными, возможно, представляли собою проекции форм жизни с нашей родной планеты, включая людей. Что такое остальные в своем собственном измерении или измерениях, Гилман даже задуматься не смел. Два менее хаотично движущихся создания – довольно крупный сгусток переливчатых, вытянутых сферических пузырей и небольшой многогранник неведомых оттенков, плоскости которого стремительно изменяли углы наклона, – словно бы заметили Гилмана

и повсюду следовали за ним – либо плыли впереди, по мере того как он перемещался среди исполинских призм, лабиринтов, скоплений кубов, плоскостей и квазисооружений; а невнятный визг и рев между тем все нарастали, словно бы приближаясь к чудовищной высшей точке абсолютно невыносимой интенсивности.

Ночью с 19 на 20 апреля случилось нечто новое. Гилман полуосознанно перемещался в сумеречных пропастях вслед за сгустком пузырей и маленьким многогранником, – как вдруг заметил, что края нескольких смежных скоплений гигантских призм образовали характерно правильные углы. А в следующий миг Гилман был уже не в пропасти: он стоял на каменистом склоне холма, омытом ярким рассеянным зеленым светом. Он был бос и в ночной сорочке; попытавшись сделать шаг, он обнаружил, что с трудом передвигает ноги. Клубящееся марево скрывало от глаз все, кроме небольшой части косогора прямо перед ним; при мысли о том, что за звуки могут выплеснуться из этого марева, Гилман неуютно поежился.

И тут Гилман заметил, как к нему с трудом подползают две фигуры: старуха и мелкая мохнатая тварь. Безобразная карга натужно привстала на колени и сложила руки в характерном жесте, а Бурый Дженкин куда-то указывал пугающе человекообразной передней лапой, поднимая ее с явным усилием. Побуждаемый порывом, что брал начало не в нем самом, Гилман побрел в направлении, обозначенном углом скрещенных старухиных рук и лапой мелкого уродца, но, не проковылял он и трех шагов, как вновь оказался в сумеречных пропастях. Геометрические фигуры теснились вокруг него; Гилман падал – кружилась голова, и конца падению не предвиделось. В конце концов он проснулся в своей постели в мансарде с ее бредовой угловатой планировкой, под кровом жуткого старого дома.

Наутро юноша чувствовал себя совсем разбитым; на занятия он не пошел. Что-то неведомое притягивало его взгляд туда, где, казалось бы, ровным счетом ничего не было: он не мог отвести глаз от пустого места на полу. По мере того как разгорался день, фокус невидящих глаз сместился: к полудню Гилман поборол в себе тягу неотрывно глядеть в никуда. Часа в два юноша вышел пообедать: пробираясь по узким улочкам города, он ловил себя на том, что его то и дело тянет свернуть на юго-восток. Лишь усилием воли он заставил себя задержаться в кафе на Черч-стрит, но после еды неведомая тяга дала о себе знать с еще большей силой.

Наверное, надо все-таки проконсультироваться у специалиста по нервным болезням – может, сомнамбулизм тоже как-то с этим связан; а до поры можно хотя бы попробовать рассеять страшные чары самостоятельно. Вне всякого сомнения, он пока еще в силах преодолеть эту тягу. Призвав на помощь всю свою решимость, Гилман зашагал вперед, наперекор притяжению, и нарочно побрел к северу вдоль Гаррисон-стрит. К тому времени, как он добрался до моста над рекой Мискатоник, он был весь в холодном поту; вцепившись в железную ограду, он пристально глядел вверх по течению, на островок с дурной репутацией, где правильные очертания древних стоячих камней мрачно вырисовывались в полуденном свете.

Вдруг он вздрогнул. На безлюдном островке ясно просматривался кто-то живой; приглядевшись вторично, Гилман понял: это, конечно же, та самая незнакомая старуха, чей злоедающий образ столь роковым образом вторгся в его сны. Рядом с ней шевелилась высокая трава – словно по земле кралась еще какая-то тварь. Старуха начала было поворачиваться в его сторону – и Гилман поспешно кинулся прочь от моста, под защиту городского лабиринта портальных улочек. Остров находился далеко, и однако ж Гилман чувствовал: сардонический взгляд этой согбенной старой карги в бурых одеждах исполнен чудовищной, неодолимой злобы.

Гилмана по-прежнему тянуло на юго-восток: лишь грандиозным усилием воли он смог заставить себя войти в старый дом и подняться по шатким ступеням. Там он просидел молча, бесцельно не один час; взгляд его постепенно смещался на запад. Около шести часов его обострившийся слух уловил плаксивые молитвы Джо Мазуревича двумя этажами ниже. В отчаянии Гилман схватил шляпу и вышел на позлащенные закатом улицы, позволяя притяжению, что теперь было направлено точно на юг, нести его куда угодно. Час спустя тьма застала его в

открытом поле за Палаческим ручьем, а в вышине мерцали и переливались весенние звезды. Порыв идти вперед постепенно сменялся желанием мистически нырнуть в пространство вселенной, – и внезапно Гилман осознал, где таится источник неодолимого притяжения.

Источник этот – в небе! Некая определенная точка среди звезд притягала на него – и манила его. По-видимому, точка эта находилась где-то между Гидрой и Кораблем Арго; Гилман знал, что туда-то его и влекло с самого момента пробуждения вскоре после восхода. Утром она была ниже линии горизонта; после полудня поднялась на юго-востоке, а сейчас – находилась ориентировочно на юге, но клонилась к западу. Что бы все это значило? Уж не сходит ли он с ума? И как долго это продлится? Вновь призвав на помощь всю свою решимость, Гилман развернулся и с трудом побрел к зловещему старому дому.

Мазуревич ждал его в дверях: похоже, ему не терпелось шепотом рассказать какое-то свежее суеверие – и вместе с тем слова не шли с языка. Речь шла о ведьминском огне. Накануне ночью Джо дома не было: в Массачусетсе праздновали День патриотов, и он вернулся уже после полуночи. Глядя на дом снаружи, он сперва подумал было, что окно Гилмана не освещено; но затем заметил внутри слабый фиолетовый отблеск. Ему хотелось предостеречь джентльмена насчет этого отблеска: ведь весь Аркхем знал, что это – ведьминский свет Кезии, что мерцает вокруг Бурого Дженкина и призрака старой карги. Мазуревич не упоминал об этом прежде, но теперь не может дольше молчать: ведь это значит, что Кезия со своим длиннозубым фамильяром преследуют молодого джентльмена. Порою он, Пол Чойнски и домовладелец Домбровски словно бы видели, как свет просачивается сквозь щели в заколоченном чердаке над комнатой молодого джентльмена, но они сговорились молчать о таких вещах. Однако ж джентльмену лучше бы снять другую комнату и разжиться крестом у какого-нибудь доброго священника вроде отца Иванички.

Мазуревич продолжал молоть всякий вздор, а Гилман чувствовал, как к горлу подступает комом невыразимая паника. Разумеется, накануне вечером Джо был изрядно навеселе, и однако упоминание о фиолетовом свете в окне мансарды было пугающе важным. Именно такой мерцающий отблеск неизменно играл вокруг старухи и мелкой мохнатой твари в поверхностных и вместе с тем пронзительно-ярких снах, что предшествовали прыжку юноши в неведомые пропасти, и мысль о том, что человек посторонний и бодрствующий тоже видел это свечение из снов, в здравом уме просто не укладывалась. Но откуда у соседа взялась столь странная идея? Или сам он не только ходит по дому во сне, но еще и разговаривает? Джо уверяет, что нет, – но неплохо бы проверить. Может, Фрэнк Элвуд что-нибудь подскажет, хотя спрашивать Гилману отчаянно не хотелось.

Лихорадка – безумные сны – сомнамбулизм – слуховые галлюцинации – неодолимое притяжение некой точки на небе – а теперь еще и, чего доброго, нездоровые разговоры во сне! Надо, непременно надо отвлечься от занятий, посоветоваться со специалистом по нервным болезням, взять себя в руки. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Гилман замешкался у двери Элвуда, но понял, что соседа дома нет. Неохотно побрел он к своей мансарде и какое-то время посидел в темноте. Взгляд его по-прежнему обращался к юго-западу, и вместе с тем Гилман поймал себя на том, что напряженно прислушивается к звукам на заколоченном чердаке и уже готов навоображать себе, будто сквозь микроскопическую щель в низком, покатым потолке сочится зловещий фиолетовый свет.

В ту ночь фиолетовое свечение обрушилось на спящего Гилмана с удвоенной силой; старуха-ведьма и мелкая мохнатая тварь, подобравшись еще ближе, чем прежде, дразнили его нечеловеческими воплями и дьявольскими жестами. Гилман рад был провалиться в сумеречные пропасти, бурлящие невнятным ревом, вот только навязчивое преследование стукта пузырей и калейдоскопического многогранничка раздражало и пугало. И тут случился переход – гигантские сходящиеся плоскости осклизлой с виду субстанции нависли сверху и снизу – нака-

тил приступ бреда, и вспыхнул неведомый, чуждый свет, в котором бешено и неразрывно смешались желтая, карминно-красная и темно-синяя краски.

Он полулежал на высокой террасе, обнесенной фантастической балюстрадой, над бескрайними нагромождениями диковинных, неопикуемых пиков, сбалансированных плоскостей, куполов, минаретов, горизонтальных дисков, уравновешенных на шпилях, и бесчисленных, еще более причудливых форм, из металла и камня, что искрились великолепием в смешанном, едва ли не жгучем слепящем свете многокрасочного неба. Подняв глаза, Гилман различал три громадных огненных диска, все – разных оттенков и на разном расстоянии над бесконечно далекой волнистой линией приземистых гор у самого горизонта. Позади, насколько хватало глаз, возносились ярусы террас еще более высоких. А внизу, вплоть до самых пределов обзора, раскинулся город, и Гилман надеялся, что никакому звуку не долететь оттуда.

Гилман с легкостью поднялся на ноги. Площадка была вымощена полированным, с прожилками, камнем, определить который не удавалось; плитки были неправильно-угловатой формы, что казалась Гилману не столько асимметричной, сколько основанной на некоей внеземной симметрии, законы которой ему не постичь. Балюстрада, изящная, причудливо выполненная, доходила ему до груди; вдоль всей ограды, на небольшом расстоянии друг от друга, стояли скромных размеров статуи гротескной формы и самой изысканной работы. Как и вся балюстрада, они были сделаны из какого-то сияющего металла, цвет которого не распознавался в этом хаосе смешанного блеска; а природа их и вовсе не поддавалась разгадке. Они представляли собою некий рифленый бочкообразный предмет – от центрального кольца, точно спицы, отходили тонкие горизонтальные руки, а верхняя часть и основание бочонка бугрились выпуклостями или пузырями. Каждый из таких пузырей служил основой для конструкции из пяти длинных, плоских, конусообразных ответвлений, похожих на лучи морской звезды, – почти горизонтальные, они чуть выгибались, отклоняясь от срединного бочонка. Нижний пузырь крепился к протяженной ограде, причем перемишка была столь хрупкой, что нескольких фигур не доставало: они давно отвалились. В высоту статуи достигали четырех с половиной дюймов, а руки-спицы создавали максимальный диаметр около двух с половиной дюймов.

Плитка обжигала босые ноги. Гилман был совсем один; его первым побуждением стало дойти до балюстрады и с ошеломляющей высоты оглядеть бесконечный, исполинский город на расстоянии двух тысяч футов внизу. Прислушавшись, Гилман, как ему показалось, уловил ритмичную какофонию негромких музыкальных посвистов в самом широком звуковом диапазоне, что доносилась из узких улочек; он пожалел о том, что жителей не видно. Спустя какое-то время у Гилмана закружилась голова; не схватись он машинально за лучезарную балюстраду, он бы упал на плитки. Его правая рука соскользнула на одну из выступающих статуй; это касание словно бы придало ему устойчивости. Однако экзотически хрупкий металл не выдержал, и шипастая фигура отломилась под его пальцами. Гилман полубессознательно сжал ее в кулаке, другой рукой схватившись за пустое место на гладких перилах.

Но теперь его сверхчувствительный слух уловил какое-то движение за спиной. Гилман обернулся и окинул взглядом ровную террасу. К нему тихо, хотя и не таясь, приближались пятеро, в том числе – зловещая старуха и клыкастая мохнатая тварь. При виде остальных троих Гилман потерял сознание: то были живые существа восьми футов ростом, в точности похожие на шипастые статуи балюстрады: передвигались они, по-паучьи изгибая нижние лучи-руки.

Гилман проснулся весь в холодном поту; лицо, руки и ступни саднило. Он спрыгнул с постели, умылся, оделся с лихорадочной поспешностью: ему нужно было как можно быстрее убраться из этого дома. Он понятия не имел, куда пойдет, но сознавал, что вновь придется пропустить занятия. Странное притяжение некоей точки в небесах между Гидрой и Кораблем Арго ослабло, но вместо него возникло иное, еще более сильное. Теперь юноша чувствовал, что необходимо спешить в северном направлении – как можно дальше. Перспектива пройти по мосту с видом на безлюдный островок реки Мискатоник внушала ему ужас, так что Гилман

пересек мост на Пибоди-авеню. Он то и дело спотыкался: его взгляд и слух были прикованы к неопишимо далекой точке в ясном синем небе.

Спустя примерно час Гилман овладел собою и обнаружил, что забрел далеко от города. Повсюду вокруг тянулась унылая пустыня солончаковых болот, а узкая дорога впереди уводила к Иннсмуту – древнему, полузаброшенному городу, от которого жители Аркхема почему-то предпочитали держаться подальше. И хотя тяга к северу не слабела, Гилман сопротивлялся ей – как и тому, второму притяжению, и наконец ему почти удалось уравновесить их. Он побрел обратно в город, выпил кофе у киоска с газированной водой, с трудом доплелся до публичной библиотеки и посидел там, бесцельно листая глянцевого журналы. Раз к нему подошли друзья и удивились, до чего он загорел; но о своей прогулке Гилман рассказывать не стал. В три он пообедал в ресторанчике, попутно отмечая, что притяжение либо ослабло, либо разделилось надвое. После того Гилман, чтобы убить время, заглянул в дешевый кинотеатр и просмотрел пустопорожний сеанс несколько раз, снова и снова, не вдумываясь в содержание.

Где-то около девяти вечера юноша поковылял домой и, спотыкаясь, ввалился в старый дом. Джо Мазуревич жалобно тянул свою молитвенную невнятицу; Гилман торопливо поднялся к себе в мансарду, не задержавшись проверить, дома ли Элвуд. Он включил тусклый электрический свет – и испытал настоящее потрясение. Он сразу заметил на столе нечто постороннее, а второй взгляд не оставил места сомнениям. На боку лежала – потому что стоять стоймя без поддержки не могла – необычная шипастая фигурка, что в чудовищном сне он своей рукой отломал от фантастической балюстрады. Верно, она – все детали на месте. Гофрированный, бочонкообразный центр, тонкие расходящиеся спицы-руки, выпуклости на каждом конце, а от выпуклостей тянутся плоские, чуть изогнутые наружу лучи – все в точности! В электрическом свете цвет фигурки казался радужно-серым, с зелеными прожилками; в ужасе и изумлении Гилман осознал, что на одной из выпуклостей замечен рваный надлом: в этом месте статуэтка некогда крепилась к перилам из сновидения.

Лишь полубессознательное оцепенение помешало ему закричать в голос. Это слияние сна и реальности сводило юношу с ума. До глубины души потрясенный, он стиснул в руке шипастую фигурку и побрел вниз по лестнице в квартиру домохозяина Домбровски. В затхлых коридорах все еще звенели плаксивые молитвы суеверного ткацкого подмастерья, но теперь Гилману было все равно. Домовладелец оказался у себя и приветливо поздоровался с жильцом. Нет, этой вещи он прежде не видел и ничего о ней не знает. Но жена рассказывала, будто нашла забавную жестяную игрушку в одной из постелей, когда убирала комнаты в полдень; может, это она и есть? Домбровски позвал супругу, та степенно вплыла в комнату. Да, верно, та самая вещица. В постели молодого джентльмена нашлась – у самой стенки. Странная штуковина, ничего не скажешь, ну да у молодого джентльмена комната битком набита всякими странностями – тут и книги, и разные редкости, и картины, и заметки на бумаге. Нет, она ровным счетом ничего про находку не знает.

Во власти душевного смятения Гилман вновь поднялся к себе, будучи убежден, что либо он все еще спит и видит сон, либо сомнамбулизм дошел до небывалой крайности и вынуждает его к грабежу в незнакомых местах. Где он только мог раздобыть эту экзотическую вещицу? Ни в каком аркхемском музее он ничего подобного не видел. Но откуда-то она ведь взялась! Разгуливая по городу во сне, он, должно быть, увидел и схватил ее – и это, в свою очередь, вызвало странный сон про обнесенную балюстрадой террасу. На следующий день нужно будет очень осторожно навести справки – и посоветоваться наконец со специалистом по нервным болезням.

А между тем надо попробовать отследить, куда он ходит во сне. По пути в свою комнату Гилман рассыпал по лестнице и в коридоре мансарды муку, одолженную у хозяина, – он честно объяснил зачем. Юноша задержался было у комнаты Элвуда, но свет внутри не горел. Войдя к себе, Гилман поставил шипастую фигурку на стол и прилег, не потрудившись даже раздеться –

так он был измучен физически и духовно. С заколоченного чердака над скошенным потолком словно бы доносилось тихое царапанье и топоток, но в смятении своем Гилман даже не придал этому значения. Таинственная тяга на север снова набирала силу, хотя теперь источник ее находился, по-видимому, ниже у горизонта.

В слепящем фиолетовом свете сновидения старуха и клыкастая мохнатая тварь проявились снова – куда отчетливее, нежели когда-либо прежде. На сей раз они подобрались вплотную к юноше: иссохшие старухины клешни вцепились в него. Гилмана вытащили из постели и повлекли в пустоту; мгновение он слышал ритмичный рев и видел, как вокруг него вскипает сумеречная бесформенность размытых пропастей. Но картина тотчас же сменилась: в следующий миг он оказался в нишей, тесной камерке без окон – грубо обработанные балки и брусья сходились конусом у него над головой, а под ногами пол, как ни странно, шел под уклон. На подпорках вровень с полом стояли низкие ящики, битком набитые книгами самых разных эпох, более или менее тронутых распадом, а в центре громоздились стол и скамейка, по-видимому, закрепленные неподвижно. Сверху на ящиках выстроились небольшие предметы неведомой природы и формы, и в пламенеющем фиолетовом свечении Гилман заметил словно бы копию шипастой фигурки, так его озадачившей. Слева пол резко уходил вниз, в черный треугольный провал, откуда сперва донеслось сухое дребезжание, а потом выползла отвратительная мохнатая тварь с желтыми клыками и бородастым человеческим лицом.

Старая карга, недобро ухмыляясь, по-прежнему не отпускала своего пленника. А позади стола возвышалась прежде невиданная фигура – высокий, сухощавый человек, весь черный, но без характерных негроидных черт; полностью лишенный волос и бороды; единственной одеждой ему служила бесформенная мантия из какой-то плотной черной ткани. Ног различить было невозможно, их заслоняли стол и скамья, но незнакомец, по всему судя, был обут – когда он менял положение, слышалось легкое постукивание. Человек не произнес ни слова; мелкие, правильные черты лица его оставались совершенно бесстрастны. Он просто указал на массивный фолиант, раскрытый на столе, а карга всунула в правую руку Гилмана огромное серое перо. Все застлала пелена сводящего с ума страха, что достиг высшей своей точки, когда мохнатая тварь вскарабкалась по одежде спящего ему на плечи, спустилась вниз по левой руке и наконец больно укусила в запястье у самой манжеты. Фонтаном брызнула кровь, и Гилман потерял сознание.

Очнулся он поутру 22 апреля. Левое запястье ныло, манжета побурела от засохшей крови. Воспоминания путались, однако ж сцена с участием Черного Человека в неведомом месте запечатлелась в сознании четко и ярко. Должно быть, во сне юношу укусила крыса, что и породило кульминацию ночного кошмара. Отворив дверь, Гилман убедился, что мука на полу в коридоре не потревожена – если не считать гигантских следов неотесанного увальня, что жил в противоположном конце мансарды. Значит, на сей раз о сомнамбулизме речи не идет. Но с крысами давно пора что-то делать. Надо пожаловаться домовладельцу. Гилман снова попытался закупорить нору у основания наклонной стены, забив в нее подсвечник подходящего размера. В ушах стоял чудовищный звон – точно остаточное эхо какого-то жуткого шума из снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.